

Светлов П. Я., прот. Образованное общество и современное богословие: (В ответ на ст. А. Т. Виноградова «Чего ждут образованные люди от современного богословия?» // *Богословский вестник* 1901. Т. 3. № 11. С. 521–566 (2-я пагин.). (Начало.)

ОБРАЗОВАННОЕ ОБЩЕСТВО И СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛОВІЕ.

(Въ отвѣтъ на ст. А. Т. Виноградова. „Чего ждутъ образованные люди отъ современнаго богословія?“—въ *Русск. Вѣстн.* 1901, апр. и май).

Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины.

Бѣлинскій.

Въ апрѣльской и майской книжкахъ *Русскаго Вѣстника* внимательные читатели могли замѣтить статью А. Т. Виноградова: „Чего ждутъ образованные люди отъ современнаго богословія?“—„Все-ли благополучно въ современномъ богословіи и нѣтъ-ли въ немъ такихъ пробѣловъ, которые служатъ неустранимымъ препятствіемъ къ полному довѣрію русской интеллигенціи къ богословской наукѣ?“ Вотъ вопросъ, которымъ авторъ задается въ означенной статьѣ. „Каковы эти недостатки, мы и хотѣли выяснитъ на послѣднемъ трудѣ проф. Свѣтлова озаглавленномъ: „Курсъ апологетическаго богословія“ (Кіевъ 1900) ¹⁾. Какъ видимъ, дѣло идетъ въ ст. г. Виноградова собственно о современномъ русскомъ богословіи вообще, а не о книгѣ проф. Свѣтлова, служащей лишь въ родѣ вещественнаго доказательства серьезныхъ обвиненій, взводимыхъ г. Виноградовымъ на русское богословіе. Обвиненія эти именно серьезныя: русское богословіе, по обвинительному вердикту г. Виноградова, стоитъ на самомъ низкомъ научномъ уровнѣ и страдаетъ полнымъ отсутствіемъ научнаго метода, не удовлетво-

¹⁾ Апр. стр. 456.

ряетъ образованныхъ людей нашего времени изъясненіемъ важнѣйшаго и главнѣйшаго въ христіанствѣ ученія объ искупленіи, пробавляясь здѣсь отжившею юридическою схемою его и проч. Въ такой широкой постановкѣ статья г. Виноградова несомнѣнно пріобрѣтаетъ общій интересъ, и будучи въ цѣломъ какъ-бы вызовомъ русскому богословію, она естественно могла бы служить предметомъ обсуждения въ духовной печати, гдѣ естественно было-бы ожидать и апологій русскаго богословія со стороны довольныхъ состояніемъ современнаго богословія отечественныхъ богослововъ. Тѣмъ не менѣе здѣсь статья г. Виноградова остается пока безъ всякаго отклика почему-то, а вслѣдствіе этого на меня одного, какъ автора, всю тяжесть своею падаетъ обязанность передъ русскимъ обществомъ, „современнымъ богословіемъ“ и своею авторскою совѣстью разсмотрѣть статью г. Виноградова и показать, насколько удовлетворительно рѣшается затронутый здѣсь общинтересный и важный вопросъ. Имѣя особо уважительныя причины предоставить апологію „современнаго богословія“ отечественнымъ нашимъ богословамъ, въ предлагаемой статьѣ я ставлю себѣ цѣлью нѣчто болѣе полезное, нужное и для всѣхъ интересное: разборомъ статьи г. Виноградова я желалъ-бы оказать посильное содѣйствіе правильной постановкѣ и правильному рѣшенію вопроса.

I.

Поставленный статью г. Виноградова вопросъ я признаю вопросомъ не только интереснымъ, но и чрезвычайно важнымъ. Правильное рѣшеніе этого вопроса можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на сложный и огромный вопросъ о причинахъ отчужденія современнаго русскаго образованнаго общества отъ Церкви. Въ числѣ причинъ или условій, содѣйствующихъ этому печальнѣйшему явленію въ нашей церковно-общественной жизни, могло-бы оказаться, можетъ быть, также и состояніе современной русской богословской науки или ея „недостатки“, — несоотвѣтствіе требованіямъ современной мысли и образования. Выясненіе этихъ сторонъ въ русскомъ богословіи, конечно, было-бы весьма желательно и необходимо въ общихъ интересахъ.

Равнодушіе русскаго образованнаго общества къ богословію русской церкви тоже общеизвѣстный фактъ, не разъ обсуждавшійся въ духовной и свѣтской печати. Въ настоящее время его нельзя объяснять только религіознымъ индифферентизмомъ именно въ виду пробужденія нѣкотораго интереса къ религіознымъ вопросамъ въ этой средѣ, (далекаго еще, впрочемъ, отъ чего-либо, подобнаго широкому и глубокому *религіозно-этическому* или *идеалистическому* движенію на Западѣ). Спросъ на религіозное чтеніе несомнѣнно существуетъ, но онъ ищетъ себѣ удовлетворенія въ сторонѣ отъ церковнаго богословія; болѣе того, религіозный интересъ здѣсь связанъ съ нѣкоторою оппозиціею положительному богословію и носить отрицательную окраску: огромный спросъ получаетъ только то въ литературѣ, что болѣе или менѣе носитъ отрицательный характеръ. Отсюда — громадный интересъ къ произведеніямъ Ренана и Л. Толстого, болѣе холодное отношеніе къ богословскимъ произведеніямъ Вл. С. Соловьева, Н. Н. Неплюева, А. С. Хомякова, А. А. Кирѣева и др. и уже совершенное невниманіе къ положительной богословской литературѣ, гдѣ читатель не надѣется встрѣтить отрицанія коренныхъ истинъ религіи вообще и христіанской въ частности ¹⁾. Любопытная эта особенность

¹⁾ Припоминается мнѣ по этому поводу гдѣ-то прочитанный мною рассказъ объ извѣстномъ московск. публицистѣ Катковѣ, относящійся ко времени чтенія имъ лекцій въ Московскомъ университетѣ по философіи. Лекціи М. Каткова привлекали массу слушателей, что обращало на себя общее вниманіе. На вопросъ о причинахъ такого необычайнаго скопленія слушателей на лекціяхъ философіи самъ лекторъ далъ остроумный отвѣтъ, не лишенный значенія и для настоящаго времени. „Слушатели мой“, сказалъ онъ, „вѣроятно ждутъ, что я обругаю правительство или буду отрицать бытіе Бога“... Раасматриваемый фактъ страннаго недоверія къ духовной литературѣ констатируется и людьми изъ свѣтскаго общества: „Грустно сознается“, пишутъ и здѣсь, „что у насъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія большею частію не находятъ мѣста на страницахъ нашихъ свѣтскихъ газетъ и журналовъ. А помѣщеніе подобныхъ статей въ духовныхъ журналахъ не достигаетъ цѣли, такъ какъ послѣдніе имѣютъ очень ограниченный кругъ читателей въ средѣ интеллигенціи и учащейся молодежи“. (Проф. д-ръ А. Шилтовъ. *Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи*. М. 1901, стр. 28). Авторъ знаетъ такихъ „образованныхъ“, которые весьма далеко заходятъ въ своемъ „недовѣрїи къ духовнымъ писателямъ“ и не считаютъ глупымъ разсуждать такъ: „Да помилуйте, кто въ настоящее время

разсматриваемаго явленія была уже отмѣчена и мною въ печати, приходилось говорить, насколько позволялось обстоятельствами, и о его причинахъ. Позволю себѣ привести отрывокъ изъ написаннаго мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Наше „духовенство“, писалъ я, „не въ достаточной мѣрѣ отвѣчаетъ запросамъ русскаго общества и не вполне удовлетворяетъ ихъ, особенно на главнѣйшемъ и важнѣйшемъ пути просвѣщенія невѣрующихъ свѣтомъ христіанскаго ученія: на пути литературно-богословскомъ. Въ то время, какъ популярная или народная духовная литература у насъ достигнула и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи необыкновеннаго развитія, почти совершенно отсутствуетъ принаровленная къ интеллигентному читателю литература, далеко не удовлетворяющагося остающейся на его долю литературною или простонародной, или спеціально-богословской..... У насъ ничего почти не припасено для духовнаго чтенія лицъ изъ этой среды, жаждущихъ свѣта. Мы чуждаемся ея, замыкаемся отъ нея въ свой міръ и не хотимъ знать того міра, въ которомъ живетъ интеллигенція, чтобы освоиться съ ней, понять ее, узнать, чѣмъ она живетъ, что думаетъ, что читаетъ, къ чему стремится и т. д., чтобы заговорить съ ней понятнымъ ей языкомъ. Мы не выработали, при указанныхъ условіяхъ, даже самаго умѣнья писать для этой среды, столь выработаннаго въ области простонародной литературы, ибо это умѣнье дается знакомствомъ со средою, особенно вниманіемъ къ ея литературѣ. Но что мы наблюдаемъ въ дѣйствительности? Явленія, неблагопріятствующія сближенію двухъ, такъ сказать, міровъ въ нашемъ обществѣ: духовнаго и свѣтскаго. Изъ многихъ подобныхъ явленій достаточно отмѣтить хоть одно, ужъ отмѣченное печатью, какое-то пренебреженіе въ духовной средѣ или предубѣжденіе къ свѣтской литературѣ, особенно беллетристичѣ, принимающее по временамъ и по мѣстамъ характеръ прямого гоненія на свѣтскую литературу, на эти „романы“. Вообще, свѣтское чтеніе считается часто чѣмъ-то неприличнымъ для духовныхъ, иногда просто грѣхомъ... Спрашивается, могла ли и можетъ-ли при такихъ

изъ образованныхъ людей читаетъ сочиненія духовныхъ лицъ?“ (Стр. 5, 15).

условіяхъ явиться у насъ литература для свѣтскаго образованнаго общества наряду съ духовной литературой для народа? Конечно, нѣтъ. И не скоро, вѣроятно, наша богословская литература будетъ имѣть и свѣтскаго интеллигентнаго читателя,—до тѣхъ поръ, пока мы не перестанемъ пренебрегать имъ сами, замыкаться отъ него въ себя, игнорировать его міръ. Въ искусствѣ *быти всѣмъ вся* иные изъ нашихъ простонародныхъ духовныхъ писателей такъ далеко, непозволительно далеко, ушли, что съумѣли слиться съ простымъ читателемъ не только въ языкѣ, но даже и въ его міросозерцаніи, такъ сказать спуститься до простеца, его религіознаго міросозерцанія, опроститься... Съ интеллигентнымъ читателемъ мы думаемъ обойтись совсѣмъ безъ этого искусства и считаемъ иногда достаточнымъ и вполне подходящимъ для него въ нашихъ сочиненіяхъ языкъ нашихъ семинарскихъ учебниковъ, понятный только въ духовной средѣ¹⁾... Въ ученomъ органѣ Московской Духовной Академіи проф. И. Поповымъ констатируется разсматриваемый фактъ и дается подобное же объясненіе ему (1-хъ, замкнутость русскаго духовенства и его обособленіе отъ общества: 2-хъ, сила и живучесть школьныхъ традицій, вырождающихся въ мертвящую рутину при столь благопріятныхъ для нея условіяхъ замкнутого или кастоваго существованія русскаго духовенства съ его богословскою наукою...) ²⁾. Въ ученomъ органѣ Казанской дух. акад., ея главою ректоромъ, (нынѣ епископомъ Уфимскимъ), въ рѣчи студентамъ высказывается мысль о необходимости „основательной переработки нашихъ богословскихъ методовъ, освобожденія ихъ отъ заимствованія инославныхъ и ненаучныхъ образцовъ“, о „сильномъ вліяніи латинства на нашу догматическую систему и протестантства на наше богословское правоученіе и истолкованіе Св. Писанія“, о недостаточномъ „раскрытіи (въ нашемъ богословіи) нравственной цѣнности нашихъ догматическихъ вѣрованій и нашихъ каноническихъ и церковно-обрядовыхъ установленій,—о раскрытіи связи между Символомъ Вѣры и Проповѣдью Христа на горѣ“, о необходи-

¹⁾ *Опытъ апологетическаго изложенія православно-христіанскаго вѣрованія* (т. II, Кіевъ 1898 г. стр. VIII, IX; чит. 1—XII стр.).

²⁾ *Богословскій Вѣстникъ* 1901, № 1, стр. 274 и дал.

мости „показать не только законность и истинность, но и святость всего того, во что мы вѣримъ, — задача, академической наукою почти нетронутая“¹⁾. Такимъ образомъ современное русское богословіе, въ лицѣ извѣстныхъ своихъ представителей, хорошо сознаетъ и чувствуетъ, что не „все въ немъ благополучно“, и оно не страдаетъ самодовольствомъ, для котораго сообщенія г. Виноградова были бы поучительнымъ открытіемъ. Намъ дано болѣе г. Виноградова знать здѣсь,—не только сознать, но и на себѣ нести тяжесть недостатковъ современнаго состоянія русскаго богословія... При всемъ томъ, обсужденіе явленія въ данной ему постановкѣ у г. Виноградова, т. е. въ смыслѣ отвѣта на поставленный имъ вопросъ, весьма желательно и даже необходимо ради большей полноты и всесторонности рѣшенія вопроса: *audiatur et altera pars!* Кромѣ того, богословская наука, какъ бы высоко ни парила она надъ землею, не можетъ оставаться глухою и безучастною къ дѣйствительной жизни, нуждамъ и запросамъ времени и общества, если хочетъ быть жизненною силою, словомъ живымъ и дѣйственнымъ для живыхъ людей, утоляющимъ голодь духовный хлѣбомъ и рыбою, а не змѣею и камнемъ (Мф. VII, 10; Лк. XI, 11). Мы, русскіе богословы, обязаны съ благодарнымъ вниманіемъ прислушиваться къ голосу свѣтской печати въ даваемомъ ею разъясненіи духовныхъ нуждъ и запросовъ времени и общества, чтобы не обращаться со своимъ словомъ къ пустому пространству. Любовь къ ближнему, главнѣйшее въ христіанской религіи, должна оставаться движущимъ началомъ и нашей научно-богословской мысли: если гдѣ, то именно здѣсь мысль, не согрѣтая любовью, останется бесплодною и даже нехристіанскою мыслью, ибо въ христіанскомъ знаніи любовь къ истинѣ не должна отрываться отъ любви къ людямъ, и *отра* богослова, несогрѣваемая теплымъ чувствомъ любви къ ближнимъ (къ обществу, читателямъ) *мертва есть*²⁾.... Это не всѣ богословы сознаютъ, но сознать это давно пора, и только тогда у насъ будетъ истинно *христіанское* богословіе... Поэтому мы можемъ быть только

1) *Еписк. Антонія. „О духовныхъ дарахъ юности“*, стр. 415 — 416, въ *Православн. Собесѣдникѣ* 1899, № 10.

2) *Мр. VI, 34, ср. I Кор. XIII, 1—2.*

благодарны свѣтской печати за содѣйствіе намъ въ уясненіи того, чего ожидаютъ и желаютъ русскіе образованные люди отъ насъ? Кому же лучше знать свои желанія и потребности, какъ не самимъ нашимъ свѣтскимъ читателямъ? Но здѣсь, во избѣжаніе недоразумѣній, мы должны сказать, что въ обсужденіи взятаго вопроса мы не должны и не можемъ давать голосу свѣтской печати болѣе того, что можетъ быть признано за голосомъ читателей вообще. Можетъ-ли, напр., голосъ чуждаго и посторонняго богословію читателя претендовать на рѣшающее значеніе въ дѣлѣ улучшенія и преобразованія науки, что присвоиваетъ себѣ г. Виноградовъ, дебутирующій въ назиданіе намъ со своею статьею по такимъ сложнымъ богословскимъ вопросамъ, какъ о методѣ богословія и объ искупленіи? Можетъ-ли заурядный нашъ читатель быть критикомъ—реформаторомъ въ богословской наукѣ, ему совершенно чуждой, дать ей авторитетные образцы и указанія путей, по которымъ она должна идти вообще и въ рѣшеніи тѣхъ или иныхъ специальныхъ вопросовъ въ частности, какъ этого хочетъ г. Виноградовъ? Конечно, все подобное было-бы наивною и непомѣрною претензією! Все это подѣ силу только самимъ ученымъ богословамъ, самостоятельнымъ работникамъ науки и при томъ—не всѣмъ и здѣсь. Такъ и здѣсь цѣнность мнѣнія богослововъ получаютъ въ зависимости отъ того, насколько они соприкасаются съ специальною областью ихъ изслѣдованій, и потому по вопросу объ искупленіи и познаніи, напр., будутъ болѣе цѣнны мнѣнія тѣхъ, которые сами работали надъ этими вопросами. Какой же смыслъ могутъ имѣть совѣты и внушенія г. Виноградова богословамъ-специалистамъ, съ какимъ-бы апломбомъ они ни высказывались, по тѣмъ труднѣйшимъ въ богословіи вопросамъ, по которымъ онъ, конечно, ничего не сдѣлалъ и могъ кое что узнать только отъ самихъ богослововъ? Говоря такъ, я далекъ отъ узкой нетерпимости и высокомѣрнаго отношенія специалистовъ къ непосвященнымъ въ ихъ науку, съ обычнымъ преувеличеніемъ тутъ недоступности ея для простыхъ смертныхъ. Нѣтъ, здѣсь дѣло идетъ о нарушеніи границъ здраваго смысла и справедливости непомѣрными претензіями простого читателя двигать науку. Претензія г. Виноградова достигаетъ высшей своей точки тамъ, гдѣ онъ подвергаетъ „критическому раз-

смотрѣнію“ мое воззрѣніе на искупленіе въ „Курсѣ апологетическаго богословія“. Вопросомъ объ искупленіи я занимаюсь около двадцати лѣтъ, посвятилъ ему не мало страницъ въ своихъ сочиненіяхъ, въ курсахъ и отдѣльныхъ монографіяхъ, и проповѣдь Христа Распятаго въ евангельскомъ духѣ считаю призваніемъ всеи своей жизни, которому останусь вѣренъ до конца. И что же? довольно было попасться одной моеи книгѣ на глаза читателю, для котораго самый вопросъ этотъ былъ чисто случайнымъ,—и плоды долголѣтнихъ трудовъ специалиста подъ размашистымъ перомъ его превращаются въ прахъ и пепелъ, а на мѣсто разрушеннаго воздвигается легкою рукою въ нѣсколько часовъ, безъ труда и безъ знаній, импровизированное воззрѣніе съ претензіею на руководящій и авторитетный образецъ для русскаго богословія! Какъ совершилось это чудо и чѣмъ располагалъ г. Виноградовъ для достиженія такого блистательнаго успѣха въ нѣсколько часовъ тамъ, гдѣ мнѣ ничего не посчастливилось сдѣлать въ десятки лѣтъ, по его увѣренію? Одною только моею книгою, бѣглымъ ея чтеніемъ, какъ это увидимъ послѣ: здѣсь онъ узналъ о существованіи и смыслѣ вопроса объ искупленіи, о его постановкѣ въ богословіи протестантскомъ и католическомъ, о возможности разработки вопроса въ иномъ направленіи и т. п. и, наскоро запасшись этими и подобными свѣдѣніями, читатель мой почувствовалъ позывъ къ самостоятельному творчеству и обогатилъ науку ворохомъ „мыслей“, въ которомъ теперь пока не будемъ разбираться... Проф. Г. И. Челпановъ въ своей характеристикѣ отношеній русскаго образованнаго общества къ философін и русскихъ читателей именно философскихъ сочиненій отмѣчаетъ въ качествѣ выдающейся черты ихъ склонность „чрезвычайно много полагаться на свои силы и избѣгать тщательнаго изученія“, такъ что, по его мнѣнію, „едва-ли не 99 процентовъ русскихъ читателей считаютъ себя компетентными въ (самыхъ трудныхъ) философскихъ вопросахъ“ безъ всякаго предварительнаго изученія философін. Профессоръ Челпановъ объясняетъ это странное явленіе какъ особенностью самой философін, такъ и „неразвитостью въ философскомъ отношеніи значительной части русскои интеллигенціи“, а въ поясненіе этой черты русскаго читателя онъ приводитъ изъ Достоевскаго „слѣдую-

шее замѣчаніе яко-бы какого-то иностранца: „Покажите русскому школьнику карту звѣзднаго неба, о которой онъ до тѣхъ поръ не имѣлъ никакого понятія, и онъ завтра же возвратитъ эту карту исправленною. Никакихъ знаній и беззавѣтное самомнѣніе!“¹⁾ Надо-ли говорить, что эта черта еще рѣзче выступаетъ въ русскомъ читателѣ богословскихъ сочиненій и въ отношеніи русской интеллигенціи къ богословію при болѣе сильномъ дѣйствіи здѣсь причинъ, указанныхъ почтеннымъ профессоромъ, и особенно болѣе сильнымъ развитіи въ отношеніи къ богословію, чѣмъ въ отношеніи къ философіи, предразсудка, что богословіе не есть такая же наука, какъ и всякая другая наука, и что въ немъ можно быть судьей всѣхъ вопросовъ безъ знаній и изученія съ одною вѣрою и сердцемъ, и даже безъ вѣры!... Г. Виноградовъ далъ намъ иллюстрацію къ школьнику Достоевскаго особенно своимъ „критическимъ разсмотрѣніемъ“ моего взгляда по вопросу объ искупленіи, какъ увидятъ потомъ даже и тѣ, которые склонны были-бы вѣрить въ чудеса мгновеннаго постиженія сложнѣйшихъ вопросовъ знанія безъ предварительнаго ихъ изученія, однимъ „нутромъ“. Но пока сказаннаго достаточно въ доказательство той мысли моей, что богословіе никакъ не можетъ дать голосу свѣтскихъ читателей въ обсужденіи вопроса о недостаткахъ современнаго богословія большаго значенія, чѣмъ какое принадлежитъ голосу читателей вообще. Голосомъ читателей выясняется только спросъ, но въ наукѣ этимъ не обусловлено непременно самое предложеніе: ученый авторъ, принимая къ свѣдѣнію мнѣнія читателей, въ концѣ концовъ руководится требованіями науки, не всегда совпадающими съ требованіями читателей. И въ данномъ случаѣ подѣ „недостатками“ русскаго богословія въ сужденіяхъ свѣтскихъ читателей мы вынуждены будемъ разумѣть иногда только нѣчто такое, что имъ не нравится, равно какъ въ томъ, что имъ нравится, часто не будетъ возможности видѣть достоинствъ. Въ желаніяхъ и требованіяхъ читателей богословская наука будетъ разбираться руководясь собственными началами: эти желанія условны, измѣнчивы, крайне разно-

¹⁾ Проф. Г. И. Челпанова. Указатель по вопросу о матеріализмѣ. Кіевъ 1896, стр. 2 и 3.

рѣчивы. Богословская наука, какъ всякая наука, перестала-бы, конечно, быть наукою и не выполнила бы своего высокаго назначенія, если-бы примѣнялась къ капризнымъ и разнорѣчивымъ требованіямъ и вкусамъ публики, или къ тому, что называется спросомъ. Высокій идеаль служенія ближнему въ богословіи можетъ осуществляться только вѣрнымъ служеніемъ истинѣ. Необходимость осторожнаго, а иногда отрицательнаго отношенія къ желаніямъ образованныхъ читателей со стороны русскаго богословія я поясню на примѣрахъ. Чего ожидаютъ и желаютъ отъ русскаго богословія современные образованные люди? Какъ извѣстно, одни желательнымъ считаютъ *только* такое богословіе, въ которомъ христіанство являлось-бы исключительно *истинной самодовольствующей* и путемъ ко *спасенію души*; другіе требуютъ богословія, въ которомъ, напротивъ, христіанство предстало-бы передъ нами не замкнутою въ себя религіею презрѣнія міра и отреченія отъ земли, а жизненною дѣятельною силою, двигательнымъ началомъ историческаго прогресса и путемъ къ обновленію обществъ и всего міра, къ царству Божію на землѣ. Одни образованные люди (изъ зараженныхъ предразсудкомъ о противорѣчии между вѣрою и разумомъ) признаютъ желательнымъ и возможнымъ только такое богословіе, которое, ограничиваясь въ своей дѣятельности субъективною сферою вѣры или религіознаго чувства и описаніемъ различныхъ состояній и настроеній въ религіозной жизни духа, тѣмъ самымъ лишается права на названіе науки; другіе, наоборотъ, въ своихъ отношеніяхъ къ христіанскому богословію напоминаютъ коринѣскихъ христіанъ въ 1 посл. къ нимъ ап. Павла (гл. I и II), которые ожидали найти въ христіанской религіи нѣчто подобное философіи, смѣшивая религію и философію. Одни совершенно изгоняютъ изъ богословія разсудокъ, другіе слишкомъ много отводятъ ему мѣста въ христіанскомъ богословіи и т. д. ¹⁾ Словомъ, требованія къ намъ предъявляются крайне разнообразныя и часто непримиримыя; при этомъ всякій свое желаніе выдаетъ за выраженія общаго мнѣнія, выступая передъ нами представителемъ русскаго образованнаго общества. Ко-

¹⁾ Ср. *Льва Тихомирова*. Духовенство и общество въ современномъ религіозномъ движеніи. Москва 1893, стр. 17, 19, 21, 34, 27—35.

нечно, тутъ во всѣхъ случаяхъ богословская наука поступаетъ одинаково: она взвѣшиваетъ своими собственными вѣсами мнѣнія свѣтскихъ читателей и принимаетъ къ свѣдѣнію только тѣ, которыя находятся въ согласіи съ требованіями науки и существомъ христіанской религіи. Къ какой категоріи относятся *ria desideria* автора статьи *Русскаго Вѣстника*, это сейчасъ выяснится, когда разсмотримъ, какіе недостатки г. Виноградовъ открываетъ въ „современномъ богословіи“ и чего ждетъ отъ него.

II.

Авторъ очень неблагоклоннаго мнѣнія о современномъ богословіи и находитъ въ немъ много недостатковъ, а пожалуй—одни только недостатки. Можетъ быть читатель подумаетъ, что такое безотрадное убѣжденіе явилось у г. Виноградова результатомъ тщательнаго и широкаго изученія русской богословской литературы? Нѣтъ, г. Виноградовъ для такого дѣла счелъ достаточнымъ прочитать только одну книгу изъ всей богословской русской литературы! Такою удивительною книгою, отразившею въ себѣ одной всѣ недостатки русскаго богословія и при томъ *типичскіе*, по желанію г. Виноградова, оказалась моя книга. На протяженіи всей статьи своей авторъ дѣлаетъ видъ передъ читателями, будто именно эта книга послужила ему матеріаломъ для ознакомленія съ недостатками богословія, хотя въ дѣйствительности, какъ увидимъ, она не играла тутъ никакой роли и привлечена къ дѣлу искусственно и напрасно. Въ концѣ статьи г. Виноградовъ даетъ списокъ недостатковъ русскаго богословія. Обвинительныхъ пунктовъ четыре: 1) недостатокъ научности въ богословскомъ методѣ; 2) юридическій способъ пониманія христіанства, несвойственный его существу; 3) отсутствіе въ русскомъ богословіи „яснаго и точнаго *выясненія* (!), всѣхъ конфессіональныхъ особенностей и различій между христіанскими церквами; 4) насколько можно понять,—перевѣсъ полемическихъ приемовъ надъ положительнымъ способомъ уясненія истинъ вѣры. Послѣдніе два пункта, которые по замыслу автора должны были-бы являться, какъ и первые, заключительными выводами статьи, внесены въ списокъ неизвѣстно по какимъ соображеніямъ:

они не стоятъ ни въ какой связи съ предшествующимъ содержаніемъ статьи автора, поражаютъ читателя совершенно неожиданнымъ своимъ появленіемъ на правахъ резюме и могутъ быть безъ вреда для цѣлаго совершенно выброшены изъ списка, какъ ничѣмъ не мотивированные. Обращаю вниманіе читателей на нихъ развѣ только какъ на одинъ изъ множества образчиковъ игривой и капризной логики автора, вообще не любящей стѣсняться чѣмъ-либо. Впрочемъ, пунктъ третій, обвиняющій русское богословіе въ „неясномъ выясненіи“ вѣроисповѣдныхъ разностей христіанскихъ церквей и отсутствіи будто-бы въ русскомъ богословіи отвѣта на вопросъ. „почему истина въ православіи, а не въ католичествѣ или лютеранствѣ,“ заслуживаетъ вниманія еще и въ иномъ отношеніи. Онъ служитъ нагляднымъ доказательствомъ только что сказаннаго мною объ отсутствіи какой-либо дѣйствительной связи между моею книгою и спискомъ недостатковъ русскаго богословія, составленнымъ будто-бы на основаніи чтенія моей книги г. Виноградовымъ. На дѣль этого никакъ не могло быть. Пунктъ третій отмѣчаетъ недостатокъ тѣхъ богословскихъ сочиненій, которыя относятся къ наукѣ, именуемой *символикою, сравнительнымъ, или обличительнымъ* богословіемъ, *Vergleichende Confessionskunde* и т. п.; мое же сочиненіе всецѣло принадлежитъ *апологетикѣ* и, естественно, не только не заключаетъ въ себѣ „яснаго выясненія“ того, что къ его предмету не относится, но и не могло задаваться этою, для него постороннею, цѣлью. Спрашивается, какимъ же образомъ въ данномъ случаѣ „книга (проф. Свѣтлова) можетъ „полностью отражать въ себѣ“ отмѣчаемый г. Виноградовымъ „родовой грѣхъ“ или недостатокъ русскаго богословія?! Не ясно-ли для всякаго, что въ списокъ недостатковъ русскаго богословія пунктъ третій занесенъ независимо отъ моей книги, и что намѣреніе г. Виноградова „выяснить недостатки русскаго богословія на послѣднемъ большемъ трудѣ проф. П. Свѣтлова“ осталось не исполненнымъ? Но таково же дѣйствительное отношеніе моей книги и къ прочимъ пунктамъ обвинительнаго списка г. Виноградова, какъ это увидимъ ниже, но относительно 4-го пункта фактъ этотъ можетъ быть установленъ сейчасъ же. Какъ я сказалъ, этотъ пунктъ подобно третьему внесенъ въ конецъ статьи на правахъ вывода совершенно незаконно: въ

статьѣ о преобладаніи въ моей книгѣ полемическихъ примовъ надъ положительнымъ уясненіемъ истинъ вѣры авторомъ нигдѣ ничего не было сказано, да и не могло быть сказано, такъ-какъ это было-бы слишкомъ уже явной неправдой. Напротивъ, то, что г. Виноградовъ, въ началѣ статьи, говоритъ о характерѣ моей книги, находится въ явномъ противорѣчій съ концемъ ея—съ 4-мъ пунктомъ: въ началѣ статьи г. Виноградовъ характеризуетъ мое сочиненіе, какъ положительно-догматическое или катехизическое, когда говоритъ, что „авторъ (т. е. я) излагаетъ (въ этой книгѣ) съ различными комментаріями отъ себя и отъ святыхъ отцовъ всѣ догматическіе пункты“, а въ концѣ статьи тотъ же авторъ у г. Виноградова „слишкомъ устремляется на полемику и на апологетику“! Кромѣ того, въ другомъ мѣстѣ по словамъ самого г. Виноградова оказывается, что моя апологетика не содержитъ въ себѣ одно лишь отрицаніе лжи, а имѣетъ въ виду положительное созиданіе истины, ея уясненіе самой въ себѣ (стр. 461). Очевидно безъ дальнѣйшихъ разъясненій, что и 4-й пунктъ въ списокѣ г. Виноградова не имѣетъ никакого отношенія къ моей книгѣ и является такою же во всѣхъ отношеніяхъ странностью, какъ и 3-й. Остаются первые два пункта. Къ этимъ пунктамъ имѣетъ отношеніе содержаніе статьи г. Виноградова (хотя не книги моей), и потому слѣдуетъ остановиться на нихъ ¹⁾.

Изъ первыхъ двухъ пунктовъ г. Виноградовъ выдвигаетъ на виднѣйшее мѣсто первый пунктъ,—можно было-бы даже подумать, что всѣ недостатки онъ сводитъ къ этому только первому пункту, судя по тому, что имъ сказано въ началѣ.

¹⁾ Изъ всѣхъ положеній второе (—чтобы христіанское ученіе объ искупленіи понималось не юридически) есть единственное, которое въ качествѣ *пожеланія* дѣлало-бы честь вкусу г. Виноградова; но въ качествѣ *обвиненія* по отношенію ко мнѣ этотъ пунктъ стоитъ наряду съ прочими... Впрочемъ, въ устахъ г. Виноградова указанное пожеланіе не имѣетъ того точнаго и определеннаго въ богословской наукѣ смысла, какой предполагается словами, и потому современное богословіе не имѣетъ основаній ему радоваться. Выступая въ современномъ богословіи новою и отъ науки совершенно независимою творчески—созидательною силою, г. Виноградовъ рѣзко расходится съ наукою въ пониманіи того, какое изъясненіе ученія объ искупленіи надо считать юридическимъ, и потому предлагаетъ современному богословію такое изъясненіе, отъ котораго да избавитъ насъ Богъ! (Объ этомъ рѣчь будетъ въ гл. V-ой).

Читаемъ здѣсь: „книга отражаетъ въ себѣ тѣ недостатки, которые должны быть названы типичными для русскаго богословія. Всѣ они методологическаго характера (*неужели и 2—3 пункты?!*) въ широкомъ смыслѣ слова, какъ-то: отсутствіе истинно научно-дисциплинованной мысли, организующей весь матеріалъ въ стройную систему, казуистическій способъ разсмотрѣнія истинъ религіи, несогласованность однихъ положеній и частей съ другими и общая темнота изложенія“ (*значитъ, и слогъ относится къ методологической сторонѣ?!*) (стр. 458), „узкость и шаблонность научныхъ приемовъ“ (*ibid.*). Заключительное внушеніе русскому богословію, повидимому, даетъ ключъ къ пониманію довольно спутанной рѣчи г. Виноградова о главномъ недостаткѣ русскаго богословія и позволяетъ его формулировать такъ: главная бѣда русскаго богословія—это его научная отсталость. Судите сами: „Интеллектуальная высота современныхъ людей возрастаетъ съ каждымъ шагомъ прогресса знаній, поэтому и богословы съ любовію несущіе свое призваніе должны параллельно развивать въ себѣ ту же степень умственной энергіи, чтобы поднять религіозное знаніе на *высоту уровня серьезныхъ запросовъ, сложныхъ сомнѣній и требованій образованныхъ людей* (май 116)...“ Замѣчательная эта во всѣхъ отношеніяхъ тирада (даже въ смыслѣ образца ореографіи автора) окончательно выясняетъ, что г. Виноградовъ, выступившій въ роли посредника между русскимъ образованнымъ обществомъ и богословіемъ, не удовольствовался этою ролью, но счелъ нужнымъ еще выступить въ качествѣ посредника между современною наукою и богословіемъ. Нашъ авторъ стоитъ на „интеллектуальной высотѣ современныхъ людей“ и даже на какой-то „высотѣ уровня“ знаній, недоступной богословамъ; поэтому онъ смотритъ на насъ сверху внизъ, но смотритъ съ сожалѣніемъ и участіемъ. Г. Виноградовъ хочетъ поднять насъ, богослововъ, на занимаемую имъ замѣчательную „высоту уровня“ и для этого пишетъ свою статью, гдѣ дѣлаетъ намъ сообщенія о современном состояніи науки, о ея методѣ, отмѣчаетъ тамъ и сямъ нашу отсталость отъ науки, словомъ является передъ нами истолкователемъ науки и докладчикомъ отъ нея. Такое посредничество однако не вызывается никакой дѣйствительною потребностью. Неужели нашъ авторъ считаетъ науку для

богослововъ какую-то заколдованную, совершенно недоступную и непроницаемую безъ помощи посредниковъ, областью?! Профессора университетовъ, кажется, не лишены возможности знакомства съ наукою вообще и со своею спеціальною въ особенности; однако и имъ г. Виноградовъ читаетъ съ учительскимъ апломбомъ наставленія въ слѣдующемъ, напр., родѣ: „Автору, какъ университетскому профессору, полезно знать, что совершенно исключительная страсть къ внѣшней систематизаціи... при современномъ состояніи научнаго метода совершенно исчезла“ (стр. 457 и д., апрѣль). Внушительное сообщеніе адресовано мнѣ, какъ „университетскому профессору“, но подобныя сообщенія и нотации щедрою рукою разсыяны по всей статьѣ г. Виноградова мнѣ еще, „какъ ученому богослову“. Въ этихъ случаяхъ мораль читается, напр., въ такой формѣ: „Автору, какъ ученому богослову, должно быть безъизвѣстнымъ, что“ и т. д. (апр. 465). Если бы даже г. Виноградовъ обладалъ особенною и какою-либо исключительною близостью къ наукѣ и былъ вполне компетентнымъ экспертомъ и судьей по части научности русскаго богословія, то и тогда его посредничество было-бы только излишнею услужливостью. Но съ нашимъ авторомъ дѣло обстоитъ гораздо хуже. Надменно—авторитетный тонъ, принятый г. Виноградовымъ по отношенію къ русскимъ богословамъ или, лучше, къ одному ни въ чемъ неповинному богослову, призванному отвѣчать за всѣхъ другихъ, не находится въ соответствіи съ дѣйствительною близостью и знакомствомъ г. Виноградова съ наукою. Напротивъ, это несоответствіе учительскихъ претензій г. Виноградова съ его дѣйствительными знаніями достигаетъ въ настоящемъ случаѣ курьезныхъ размѣровъ.

Если-бы кто пожелалъ знать, что можетъ быть сказано самаго неподходящаго въ вопросѣ о научной постановкѣ богословія, тому мы рекомендуемъ простѣйшій и лучший путь къ этому: прочитавъ статью г. Виноградова и ознакомиться съ его разсужденіями по этому предмету и „научными“ *ria desideria* для нашего богословія,—до того чужды и противны наукѣ и современному научному образованію взгляды и идеи г. Виноградова, общій складъ его мыслей, самая логика и языкъ статьи, всецѣло проникнутой цѣлесенью пережитого и сданнаго въ архивъ временемъ. Науч-

ною терминологіею статьи, исчерпываемою, правда, лишь повтореніемъ словъ: „наука“, „научный методъ“, „дисциплинованная мысль“ и т. п. вездѣ прикрывается анти-научный смыслъ и содержаніе странной статьи, написанной въ поученіе современному богословію отъ лица науки. Столь рѣшающее для современнаго научно-философскаго знанія различіе понятій, обозначаемыхъ словами „науки“ и „философіи“, въ ст. г. Виноградова совершенно отсутствуетъ: лексикономъ его допускается безразличное употребленіе словъ одно вмѣсто другого, какъ „наука“, „научный“ и „философія“, „философскій“ (въ смыслъ метафизики при этомъ). Безъ этой предварительной справки невозможно понять и обличенія г. Виноградова по адресу русскаго богословія въ его *ненаучности*, и его положительныя *pia desideria*, гдѣ г. Виноградовъ открываетъ русскому богословію средство сдѣлаться *наукою*, вполне удовлетворяющей запросы современнаго образованнаго общества.

Чего же ждетъ г. Виноградовъ вмѣстѣ съ „современными образованными людьми“ (какъ онъ по недоразумѣнію полагаетъ) отъ современнаго богослова? Прежде всего—„усовершенствованія“ или „улучшенія богословскаго метода“, т. е. „болѣе философскаго и систематическаго изложенія догматовъ вѣры“,—такого изложенія, въ которомъ христіанское ученіе являлось-бы стройною системою истинъ или тайнъ вѣры, представляющихся развитіемъ одной какой-либо центральной или основной тайны (май 115), и представляло-бы собою „единую религіозно-философскую систему христіанскаго знанія“ (апр. 456), гдѣ „всѣ положенія вѣры“ связаны „внутреннею логическою связью“ (апр. 461). Что бы выполнить эту задачу превращенія христіанства въ философію, проэктируемый г. Виноградовымъ богословъ долженъ напрягать „всѣ свои усилія къ адекватному и объективному познанію т. е. такому, гдѣ мысль равнялась-бы самой себѣ“ (стр. 459). Подвизающіеся въ этомъ богословы объявляются въ статьѣ г. Виноградова представителями истинной богословской науки, всѣ же, неспособные къ сему, по нему страдаютъ „недостаткомъ научной серьезности и углубленности богословской мысли“ (май 114), это — люди „легкомысленные“. Такими чертами рисуется г. Виноградовымъ новое „научное“ богословіе, стоящее „на высотѣ

уровня требованій образованныхъ людей:“ нашего времени (май 116)!.. Надобно-ли говорить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ наукой, а только съ запоздалою проповѣдью отжившаго спекулятивнаго (умозрительнаго) метода богословія, сдѣлавшаго въ школъ Лейбнице-Вольфіанской, а особенно въ школъ Шеллинга и Гегеля все съ своей стороны для удовлетворенія вкуса г. Виноградова, его стремленія къ адекватному знанію, гдѣ мысль равняется самой себѣ и бытію; гдѣ съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, философы и богословы—метафизики старались объять необъятное, проникать въ непроницаемое; гдѣ разумъ изъ самого себя діалектически-апріорнымъ путемъ, изъ „чистаго мышленія“, стремился развить въ стройную систему знанія все содержаніе христіанскаго знанія безъ контроля и содѣйствія опыта, подобно тому какъ паукъ изъ себя прядетъ паутину? Конечно, современное богословіе страдаетъ „недостаткомъ“ такой „серьезности“ и „углубленности“ мысли, даже страхомъ предъ темными дебрями метафизическаго глубокомыслия, и склонно видѣть въ глубинѣ богословскаго мышленія рекомендуемаго образца глубину темнаго колодезя, бездны, на днѣ которыхъ ничего не видно. Въ этомъ правъ г. Виноградовъ, но онъ не въ правѣ сердиться на насъ за это: всему свое время, и что умерло, тому не ожить вновь; удовлетворить же свой вкусъ къ „адекватному знанію“ и т. п. вещамъ г. Виноградовъ легко можетъ и теперь: къ его услугамъ книжные архивы, подъ грудю пыли хранящіе цѣлые вороха богословскихъ системъ въ его вкусъ... И въ томъ „современномъ богословіи“, которое собственно имѣется въ виду статью, г. Виноградовъ могъ-бы найти не мало по этой части, и его сѣтованія по отношенію къ этому „современному богословію“ не вполне основательны; они доказываютъ лишь незнакомство его съ современнымъ состояніемъ нашего богословія: тутъ еще не совсѣмъ выдохлось преклоненіе предъ мистическою „глубиною богословской мысли“ и т. п. атрибутами спекулятивнаго богословствованія, да и самую духовную печать констатированъ этотъ фактъ,—въ одномъ случаѣ по поводу академическихъ лекцій епископа Смоленскаго Іоанна, а въ другомъ—выхода въ свѣтъ одного опыта „новаго“ (метафизическаго) построенія богословія ¹⁾.

1) *Миссіон. Обзор.* 1898 іюль-августъ и *Странникъ* 1899, кн. XI.

Впрочемъ, положеніе г. Виноградова гораздо труднѣе и въ настоящемъ случаѣ осложняется принятою имъ на себя ролью посредника между богословіемъ и наукою, а также образованнымъ обществомъ. Съ „интеллектуальной высоты уровня“, занятой г. Виноградовымъ, для него осталось незамѣченнымъ то, что совершается внизу, въ настоящей дѣйствительности. Для него совершенно осталось незамѣченнымъ могучее движеніе мысли, связанное съ именами Канта, Якоби, Ланге, Милля, Лотце и др.: этимъ движеніемъ философія и богословіе поставлены на новые лучшіе пути, съ которыхъ уже нельзя сдвинуть насъ замогильными призраками Гегеля, Шеллинга, Баадера и прочихъ столбовъ метафизики и спекулятивнаго богословія. Нѣтъ иного пути развитія и для богословія, если оно хочетъ быть наукою въ точномъ значеніи слова: рекомендуемый г. Виноградовымъ союзъ его съ метафизикою былъ бы гибелью для богословія, возвращеніемъ его на путь схоластики. По всему видно, г. Виноградовъ ничего не знаетъ о современномъ движеніи въ области богословской мысли къ научному построенію богословія параллельно съ таковымъ же въ области философской на иныхъ началахъ. Само собою понятно, не угроженіемъ вѣку (Рм. XII, 2) и моднымъ вѣяніемъ вызвано въ научно-богословской средѣ охлажденіе къ метафизическому методу, а весьма серьезными причинами.

У насъ есть много оснований и общихъ, и специально-богословскихъ не возвращаться вспять къ спекулятивному богословію и видѣть въ предложеніи г. Виноградова грубую историческую ошибку, а въ его увлеченіи метафизическими глубинами—анахронизмъ и атавизмъ,—не болѣе.

Прежде всего для богословія, желающаго быть наукою, сохраняетъ полную свою обязательность и силу, какъ и для философіи и науки, послѣднее слово философской мысли. Итогъ многовѣковой работы ума въ рѣшеніи вопроса о познаніи, о методѣ научнаго знанія. И для насъ знаніе, неоснованное на опытѣ, есть пустой призракъ и химера, а не знаніе. А таково именно спекулятивное знаніе. Спекулятивный методъ въ богословіи не оправданъ дѣломъ. Дало-ли намъ спекулятивное богословіе живого христіанскаго Бога? Нѣтъ: живой Богъ религіознаго сознанія исчезаетъ здѣсь въ туманѣ метафизическихъ абстракцій и превращается въ

„абсолютъ“, идею, принципъ и др. отвлеченныя понятія (Всеединство, Разумъ, Сила и т. п.). Дало-ли оно намъ философское объясненіе христіанскаго ученія? Также—нѣтъ: на прокрустовомъ ложѣ философскихъ системъ и абстрактно-метафизическихъ формулъ и понятій христіанское ученіе или догматы вѣры лишились свойственнаго имъ христіанскаго содержанія и смысла, оставаясь христіанскими только по названію, и все объясненіе сводилось къ пустой игрѣ въ богословскіе термины съ замѣною свойственнаго имъ богословско-христіанскаго смысла чуждымъ имъ философскимъ. Абсолютное, словомъ, не умѣщалось въ рамкахъ ограниченнаго, и Необъятное не обнималось разумомъ. Еще худшій оборотъ принимаетъ дѣло при менѣе послѣдовательномъ примѣненіи спекулятивнаго метода въ богословіи,—тамъ, гдѣ богословская мысль сковывается столь естественнымъ для христіанина благоговѣніемъ предъ безконечностью, гдѣ признается существованіе въ христіанскомъ откровеніи тайнъ или истинъ непостижимыхъ: здѣсь богословіе принимаетъ видъ трусливаго компромисса между вѣрою и разумомъ, порождающаго въ немъ на каждомъ шагѣ неясности, колебанія и противорѣчія. Догматъ о Св. Троицѣ естественно служитъ пробнымъ камнемъ для спекулятивнаго метода въ богословіи. Богословіе всегда чувствовало это и изощрялось въ попыткахъ оправданія своего метода особенно на этомъ догматѣ. И что-же? Пробный камень этотъ всегда превращался для него въ камень преткновенія. Не ссылайтесь мнѣ на глубину и высоту богословскаго созерцанія, которымъ мы удивляемся въ Григоріи Богословѣ, Афанасіи Великомъ и другихъ отцахъ Церкви: эта ссылка возвращаетъ васъ къ опыту, какъ основѣ христіанскаго знанія. Именно высотой своего религіозно-нравственнаго опыта, своей христіанской жизни отцы Церкви возносились и на высоту христіанскаго умозрѣнія, доказывая всегда ту истину, что только чистымъ сердцамъ дано зрѣть Бога. Отцы учатъ насъ своимъ примѣромъ не отдѣлять знаніе отъ жизни, какъ это допускается спекулятивнымъ богословіемъ, которое дерзаетъ проникать силою одного отвлеченнаго мышленія въ небо, отверзтое вѣрѣ. „Невозможно достигнуть мудрости, не живя мудро“, говоритъ св. Григорій Богословъ (Твореній ч. 1, стр. 135, изд. М. 1889). „Добродѣтель дѣлаетъ

богословомъ“, говоритъ *Иоаннъ Лѣтвичникъ* („Лѣтвица“ М. 1854, стр. 368). Вотъ голосъ самого опыта противъ адептовъ спекулятивнаго богословія, слѣдующаго совершенно иному принципу въ религиозномъ знаніи,—что не добродѣтель и вѣра дѣлаютъ богословомъ, а философскій складъ ума! Изъ этого уже видно, что и въ собственной своей области богословіе можетъ указать основанія къ отрицанію спекулятивнаго метода. Этѣхъ основаній много, и главнѣйшія изъ нихъ приведены и въ моей книгѣ, столь раздражившей моего критика недостаткомъ „углубленности богословской мысли“.

Въ опредѣленіи метода своего богословская наука выходитъ не только изъ понятія о познаніи, но также изъ понятія о самомъ предметѣ знанія или христіанствѣ, и находитъ, что спекулятивный методъ не совмѣстимъ съ существомъ христіанства, 1) какъ Божественнаго откровенія и 2) какъ жизни и силы, а не доктрины. Кромѣ того, богословіе, какъ это понятно само собою, въ своихъ гносеологическихъ воззрѣніяхъ находится въ зависимости отъ ученія Библии по этому предмету.

По общепризнанному въ богословской наукѣ положенію „христіанское откровеніе не можетъ быть выводимо изъ разума, какъ не имъ данное, и вѣра въ него не можетъ имѣть спекулятивныхъ основаній“ (проф. *В. Д. Кудрявецъ*). „Существомъ христіанства, какъ внѣшней Богооткровенной истины“, пишетъ нѣмецкій богословъ, „исключается возможность дедуктивнаго доказательства христіанской истины. Здѣсь дѣло идетъ не о такъ называемыхъ вѣчныхъ истинахъ разума, уже первоначально данныхъ въ умѣ человѣческомъ и мышленіемъ только выясняемыхъ, но о томъ, что безъ особеннаго Божественнаго откровенія осталось бы закрыто для людей (ср. 1 Коринѣ. II, 9. 10 и Іоан. I, 1—14)“¹⁾. „Христіанскіе догматы“, пишу я, „не могутъ быть требованіями разсудка, необходимыми истинами мышленія, такъ какъ они для христіанской мысли являются *внѣшнимъ откровеніемъ свыше*... Вслѣдствіе своего происхожденія изъ сверхъестественнаго откровенія христіанскія истины не вмѣ-

¹⁾ *E. Gustav Steude. Der Beweis für die Wahrheit des Christenthums. Gütersloh 1899, p. 9.*

щаются въ рамкахъ разсудка“ ¹⁾. Съ этимъ, твердо установленнымъ въ богословской наукѣ положеніемъ, мы вступаемъ въ область факта, съ которымъ необходимо считаться въ гносеологіи; но фактъ этотъ явно опасенъ для спекулятивнаго богословія, и защитники послѣдняго уклоняются отъ его обсужденія и думаютъ облегчить свое положеніе разнаго рода увертками. Такъ поступаетъ и нашъ любитель метафизической „углубленности мысли“. Выше приведенныя строки изъ моей книги онъ сопровождаетъ слѣд. разсужденіемъ: „Авторъ является жестокимъ недругомъ разсудочнаго знанія, категорически утверждая, что „разсудочное познаніе противорѣчить существу христіанства“, такъ какъ оно есть сверхъестественный фактъ (18—19). Въ этомъ чистосердечномъ исповѣданіи страха за цѣлость откровенія и нужно видѣть дѣйствительный источникъ гносеологическихъ воззрѣній автора“... (стр. 459). Вотъ одинъ изъ многихъ образчиковъ „углубленности и серіозности мысли“ нашего автора! Своимъ воззрѣніемъ по вопросу богословская наука даетъ богатый матеріалъ для дѣйствительно серьезной мысли, а г. Виноградовъ совсѣмъ уклонился отъ обсужденія его и ограничился „чтеніемъ мыслей“! Не парализована-ли его-то именно мысль страхомъ и чувствомъ безсилія предъ научно-богословскою истиною, столь для него опасною?

Переходимъ и къ другой научно-богословской истинѣ, опять изъ категории азбучныхъ. Точную формулу ея даетъ нѣмецкій богословъ, когда пишетъ: „что христіанство не теорія, а живая сила и жизнь—это единоголасное и несомнѣнное свидѣтельство всѣхъ книгъ Св. Писанія. Оно—новая жизнь, возникающая съ вѣрою въ Иисуса Христа Сына Божія, Искупителя, въ которой человѣкъ приходитъ все къ болѣе и болѣе глубокому и чистому познанію Бога и самого себя, грѣха и благодати, своего существа и назначенія и къ познанію міра“ ²⁾. Раціонализмъ „унижаетъ христіанство до размѣровъ логической проблемы“, пишетъ другой, французскій, богословъ, „вмѣсто того, чтобы видѣть въ немъ

¹⁾ *Kurz apologetisches dogma*, стр. 19

²⁾ *Ph. Bachmann*. Die persönliche Heilserfahrung des Christen und ihre Bedeutung für den Glauben nach dem Zeugnisse der Apostel. Leipzig 1899. p. 245.

Божественную жизнь и силу, обновляющія міръ“ 1). Это, твердо установленное богословскою наукою, положеніе должно имѣть рѣшающее вліяніе на методъ въ богословіи. Изъ него слѣдуетъ тотъ выводъ, что, если христіанство есть не только ученіе, но и новая благодатная жизнь, принесенная на землю І. Христомъ, то основою христіанскаго знанія непременно долженъ служить религіозно-правственный опытъ, или христіанская жизнь, а не метафизическая „углубленность мысли“ и т. подобное. Здѣсь опять наша наука не въ сферѣ предположеній и умствованій, а въ сферѣ факта, разрушительнаго для спекулятивнаго богословія. Что же дѣлать послѣднему? вѣдь факта не устранишь? Г. Виноградовъ находитъ простой способъ выйти изъ затрудненія: онъ преспокойно (блаженны невѣдшіе!) объявляетъ научную истину лишеннымъ всякаго основанія предразсудкомъ и... Но лучше послушаемъ его самого: „у нашего автора, взявшаго на себя высокую задачу быть посредникомъ между вѣрою и образованною публикою 2), есть предразсудокъ, ведущій его къ умаленію разсудочнаго элемента въ богословіи, что „христіанство не можетъ быть доктриной въ родѣ какой-либо философской системы“. Если не ошибаюсь, первый высказалъ этотъ взглядъ Самаринъ (см. т. V) и съ тѣхъ поръ онъ прочно осѣлся въ нашемъ школьномъ богословіи. Мнѣніе это у нашихъ богослововъ лишено всякаго основанія, а между тѣмъ“ 3)... Но довольно, довольно! Изъ вышесказаннаго и для г. Виноградова должно быть ясно, что 1) мнѣніе объ отличіи христіанства отъ философіи, или „предразсудокъ“ далеко распространенъ за предѣлами нашего отечества и даже вошелъ въ научный обиходъ; что 2) онъ не навѣянъ на насъ вліяніемъ Самарина, напрасно здѣсь и для русскаго богословія выданнаго за такую крупную и замѣтную величину (признаюсь, я,—да вѣроятно и не одинъ я,—ничего за Самаринымъ не знали по части богословія, кромѣ предисловія къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова). За симъ я долженъ открыть г. Виноградову, что этотъ „предразсудокъ“ нѣсколько болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ

1) *Jules Bovon. La dogmatique chrétienne. Vol. 2 Paris. 1895, t. I, p. 74.*

2) Задачу, какъ хотять сказать, превысившую мои силы...

3) *Апр. стр. 461.*

онъ полагаетъ: онъ современенъ апостольской эпохѣ христіанства, болѣе того, — принадлежитъ... самимъ апостоламъ! „Мнѣніе“ это мы находимъ уже въ 1-мъ посл. ап. Павла къ Коринѣ. гл. 1, ст. 17—24 и гл. 2, ст. 4—9. (Прошу еще прочитать по этому случаю гл. 2, ст. 14 и 10—15, гдѣ орудіемъ христіанскаго знанія объявляется не *философскій умъ* или какая-либо метафизическая „углубленность мысли“, а „умъ Христовъ“, т. е. умъ, обновленный благодатію Св. Духа въ общемъ духовномъ возрожденіи человѣка). А изъ этого само собою слѣдуетъ, наконецъ, что „мнѣніе“ у богослововъ не совсѣмъ лишено основаній.. Въ какомъ смыслѣ оно „лишено всякаго основанія“? Хотеть-ли сказать этимъ г. Виноградовъ, что въ моей книгѣ, или въ богословіи вообще не приводятся для него основанія? Но это было-бы слишкомъ явною несправдою: и у меня уже въ самой книгѣ приведены основанія, приводятся они и въ другихъ моихъ сочиненіяхъ ¹⁾; въ изобиліи находятся основанія и въ богословіи вообще для разсматриваемаго положенія: въ пользу его пишутся даже цѣлыя книги, образчикъ коихъ приведенъ и здѣсь Или, можетъ быть, приведенныя основанія недостаточны,—такъ надо понимать г. Виноградова? Но откуда это видно? Неужели изъ его голословнаго и, смѣю сказать, *легкомысленнаго* приговора по предмету, оказавшемуся для него столь незнакомымъ?!

Истина въ слѣдующемъ. Согласіе съ Библіею научно-богословскаго гносеологическаго воззрѣнія, ставящаго въ основѣ знанія волю или внутренній опытъ, какъ разъ именно есть его главнѣйшая особенность и самое цѣнное преимущество предъ всякими иными воззрѣніями. Для Библіи знаніе не есть что-либо стоящее внѣ или выше жизни, но оно есть одно изъ явленій самой жизни, проявленіе всей личности познающаго во всемъ объемѣ ея силъ и свойствъ, особенно—воли, совѣсти, общаго ея духовнаго склада. Лучшій путь къ познанію евангелія есть исполненіе заповѣдей евангельскихъ по ученію Самого І. Христа (Ев. Іоан. VI, 17, ср. III, 20 и пр.). Это *этическое библейское воззрѣніе на познаніе*

¹⁾ *Курсъ апологетич. богословія* стр. 19—23, ср. *Источники ходячаго мнѣнія о вѣрѣ, какъ противоположности разума.* Спб. 1896, стр. 25—35 и др. соч.

раскрывается у меня и въ книгѣ (стр. 21—23), и въ другихъ сочиненіяхъ ¹⁾. Несомнѣнно, имъ устанавливается именно *эмпирический* методъ въ богословіи, а не спекулятивный! Позволимъ себѣ формулировать выводъ этотъ изъ библейскаго ученія о познаніи словами французскаго богослова, уже выше упоминавшагося, *Бовона*, имѣющаго въ глазахъ г. Виноградова, конечно, большій вѣсъ передъ русскими богословами и передо мною въ частности, по самому своему происхожденію. „Методъ исключительно рациональный въ христіанскомъ богословіи долженъ уступить мѣсто методу духовно-моральному, по которому Евангеліе прежде всего обращается къ совѣсти человѣка и обнаруживаетъ свою силу дѣйствіемъ на воли и сердца людей“... Въ этомъ дѣйствіи Евангелія на волю и сердце или въ опытѣ духовнаго обновленія Евангеліемъ человѣкъ и обрѣтаетъ главный источникъ своей христіанской увѣренности и убѣжденія въ истинѣ Евангелія. „Обновляющее дѣйствіе Евангелія, разъ кто его испыталъ, есть фактъ опыта столь же очевидный, какъ наше собственное существованіе въ качествѣ мыслящихъ и дѣйствующихъ существъ“ ²⁾... Богословъ формулируетъ здѣсь положеніе, вошедшее въ научный обиходъ теперь на правахъ истины, не подлежащей спору. Оспаривать ее значитъ спорить съ Евангеліемъ. Впрочемъ,—и не съ однимъ только Евангеліемъ... Я долженъ здѣсь отмѣтить то въ высшей степени отрадное явленіе, что и современная научно-философская мысль въ вопросѣ о познаніи идетъ навстрѣчу *этическому* библейскому воззрѣнію въ томъ направленіи ея, которое именуется *волюнтаризмомъ* и *этилизмомъ* (направленіе въ философіи и психологіи, указывающее въ волѣ главную или основную силу души и въ ней же главный факторъ познанія) ³⁾. Направленіе это создано и

¹⁾ Напр. *Источники ходячаго мнѣнія о вѣрѣ...* стр. 99—100, 162—168 и др.

²⁾ *Bovon. Dogmatique Chrétienne*. I, 74, 75, 76 стр. *Курсъ апологетическаго богословія*, стр. 22, а о вліяніи воли на познаніе стр. 16—17; ср. *Источники ходячаго мнѣнія о вѣрѣ, какъ противоположности разума*, стр. 89—107.

³⁾ Объ этомъ направленіи смот. *Источники ходячаго мнѣнія о вѣрѣ, какъ противоположности разума* стр. 100—102. Конечно, я не одобряю крайностей у нѣкихъ представителей этого направленія, которые отрицаютъ совершенно *теоретическое* значеніе за познаніемъ и сводятъ религіозно-философское знаніе къ извѣстной суммѣ *качественныхъ сужденій* (*Werthurtheile*), приписывая званію здѣсь лишь *практическую дѣятельность*

поддерживается могучимъ и плодотворнымъ вліяніемъ Канта и *можетъ* назваться въ наукѣ и философіи много выдающихся именъ въ качествѣ своихъ представителей, каковы Лотце, Шопенгауэръ, Ланге, Паульсенъ, Секретанъ, Ренувье, Пилтонъ, Брошаръ, Сабатье, Оле-Ляпрюнъ, Джемсъ, Вундтъ, Шнейдеръ и др., у насъ—проф. СПб. Унив. А. Введенскій, П. Астафьевъ ¹⁾. Итакъ, гносеологическая теорія, въ основѣ богословскаго знанія ставящая опытъ, есть и научная теорія, вполне согласна съ требованіями науки и отвѣчаетъ запросамъ дѣйствительно образованнаго общества, вмѣстѣ съ тѣмъ она согласна и съ Библіею. А между тѣмъ эта теорія, принятая, конечно, мною въ книгѣ, разносится въ статьѣ г. Виноградова съ излишнимъ шумомъ и амплумбомъ... Г. Виноградовъ не находитъ достаточно подходящихъ эпитетовъ для выраженія своего презрѣнія къ научной теоріи познанія, всецѣло приписывая ее моему изобрѣтенію (стр. 459 и 462). Въ своемъ надменномъ презрѣніи г. Виноградовъ идетъ такъ далеко, что отказывается даже называть мои воззрѣнія гносеологическими и думаетъ безъ труда „обнаружить всю узкость и всю фальшь воззрѣній, именуемыхъ (мною) гносеологическими“—однимъ взмахомъ пера (Обычное явленіе тамъ, гдѣ знанія замѣняются смѣлостью!). Очевидно, г. Виноградовъ въ своемъ блаженномъ невѣдѣніи и не подозреваетъ, что громитъ онъ не меня, а науку (это потомъ выяснится нагляднѣе). Несомнѣнно также, что своею проповѣдью спекулятивнаго богословія, и при томъ такою неумѣлою, г. Виноградовъ ставитъ себя въ весьма неловкое положеніе.

Есть въ запасѣ у иныхъ авторовъ средство выпутываться изъ подобныхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Обыкновенно, прижатые къ стѣнѣ, они спѣшатъ отказываться отъ своихъ взглядовъ и увѣрять, что имъ напрасно ихъ навязываютъ. Въ этомъ помогаютъ имъ обычныя у нихъ проти-

¹⁾ Особенно заслуживаютъ въ этомъ отношеніи быть отмѣчены для большой публики *James. The Will to believe and other Essays in popular Philosophy 1897*; *Claude Gayte, Essai sur la croyance. Paris 1883*; *L. Olle-Laprune. De la certitude morale. Paris 1880*. На русск. яз. *Фр. Паульсена. Введеніе въ философію. Перев. съ нѣмецк. Москва 1884*; *Жюль-Пейо. О вѣрованіи (Популярно-философскіе очерки). Пер. съ франц. СПб. 1897*; *П. Астафьевъ. Вѣра и знаніе въ единствѣ міровоззрѣнія, М. 1893*.

ворѣчія себѣ, непослѣдовательность. Есть мѣсто и у нашего автора, за которое онъ, можетъ быть, пожелаетъ уцѣпиться, какъ за якорь спасенія.

Примѣненіе спекулятивнаго метода въ богословіи, какъ видѣли, серьезное препятствіе себѣ встрѣчаетъ въ сверхъестественномъ происхожденіи христіанской религіи, въ существованіи тайнъ въ ней. Препятствіе это сильно раздражаетъ нашего автора, который чувствуетъ себя безсильнымъ передъ нимъ и старается выпутаться изъ труднаго положенія во что бы то ни стало, хотя-бы цѣною самопротиворѣчія и ограниченія своихъ желаній. „Въ большинствѣ случаевъ“, пишетъ онъ, „разсудочная свѣтобоязнь (терминъ Платона) богослововъ основывается на досадномъ недоразумѣніи, которое можно наблюдать и у нашего автора ¹⁾. Онъ говоритъ... Далѣе слѣдуетъ выписка со стр. 19 о томъ, что христіанскую религію нельзя смѣшивать съ философскою системою или совокупностью спекулятивныхъ истинъ и т. д. (Это— „недоразумѣніе!“). „Повидимому уже настало время понять, что дѣло идетъ не о томъ, чтобы разсудочно понять каждый догматъ въ отдѣльности (ибо это невозможно), а въ томъ, чтобы установить между всѣми положеніями вѣры внутреннюю логическую связь, что бы наше религіозное знаніе было цѣльнымъ міросозерцаніемъ“ (стр. 460)... „Разсудку здѣсь возвращается законное право устанавливать логическую связь въ предѣлахъ вѣры и создавать изъ догматическаго матеріала цѣльное христіанское міросозерцаніе“ (461). Вотъ скромный языкъ, которымъ заговорилъ теперь передъ нами адептъ „адекватнаго знанія“ и т. п., очевидно въ своемъ отвѣтѣ на возраженіе сбившійся съ занятой имъ позиціи и во всякомъ случаѣ не вполне понявшій и осмыслившій

¹⁾ „Разсудочною свѣтобоязнию“ здѣсь называется неблагоклонное отношеніе къ метафизикѣ и неспособность простыхъ смертныхъ выносить освѣнительный свѣтъ, разливаемый ею... Поэтому къ выписанной тирадѣ, уличающей богослововъ въ свѣтобоязни, необходима маленькая поправка: свѣтобоязнию страдаютъ также философы и ученые, заразившись ею отъ Канта... (Бѣдный Кантъ!) По изумительной логикѣ г. Виноградова отрицать рационализмъ и метафизической методъ въ богословіи значитъ „открещиваться“ отъ разума (462), „совершенно исключать изъ богословія разсудочный элементъ“ (459—460), идти „противъ разсудочнаго элемента въ религіозномъ познаніи“ (461) и страдать... „терминомъ Платона!“ Кто и что устоитъ въ цѣлости передъ такою дикою логикою?!

свои требованія! Его желанія сводятся тутъ въ сущности къ весьма скромнымъ размѣрамъ, въ которыхъ они обычно осуществляются въ богословіи съ давнихъ поръ, гдѣ также задача разума полагается въ простой систематизаціи и изложеніи догматовъ въ предѣлахъ вѣры въ видѣ цѣлаго міровоззрѣнія и установкѣ логической связи между ними. Болѣе того, въ скромности своихъ желаній г. Виноградовъ здѣсь идетъ даже позади богословія, когда совершенно отказываетъ разуму въ способности и обязанности уяснять догматы въ отдѣльности, что ставится ему въ задачу самими старинными руководствами по богословію. Роль, отводимая разуму въ богословіи, напр., „Догматическимъ Богословіемъ Православной Каѳолической Восточной Вѣры“ *арх. Антонія* (§ 17: Значеніе разума въ наукѣ Христіанскаго Богословія), значительнѣе и почетнѣе. Преимущество этого стариннаго руководства по богословію въ данномъ случаѣ передъ стоящею на „высотѣ научнаго уровня“ теоріею г. Виноградова заключается уже и въ томъ, что здѣсь нѣтъ никакихъ логическихъ несообразностей, какими страдаетъ теорія г. Виноградова: въ самомъ дѣлѣ, какъ это возможно устанавливать „внутреннюю логическую связь между отдѣльными догматами“ безъ пониманія ихъ въ отдѣльности и строить цѣлое безъ пониманія частей?! Всѣмъ сказаннымъ однако мы не хотимъ лишить г. Виноградова по праву принадлежащаго ему титула адепта спекулятивнаго богословія: описанное здѣсь приключеніе съ нимъ показываетъ только, что г. Виноградовъ не вполне хорошо продумалъ отстаиваемый имъ взглядъ—и только, ибо далѣе, черезъ три страницы, къ г. Виноградову снова возвращается прежнее сознаніе высокаго значенія умозрѣнія въ богословіи, на время омраченное душевнымъ возбужденіемъ (негодованіемъ на непонятливость богослововъ). На 464 страницѣ нашъ любитель спекулятивной мудрости уже вполне стоитъ на высотѣ своего призванія, когда приглашаетъ насъ „снова обратиться къ обычному взгляду на истины христіанства какъ на сверхопытныя, спекулятивныя идеи, которые хотя не много могутъ быть освѣщены тусклымъ свѣтомъ разсудка (А ранѣе и такое освѣщеніе не полагалось...), и только имъ однимъ“.

Что бы болѣе уже нигдѣ не возвращаться къ импровизаціямъ г. Виноградова по гносеологическому вопросу, стоя-

шимъ „на высотѣ серьезныхъ запросовъ, сомнѣній и знаній“, отмѣтимъ еще одну важную прорѣху въ нихъ: въ нихъ совершенно не отводится никакого мѣста тому первенствующему въ современной гносеологии моменту, который въ научныхъ теоріяхъ обозначается названіями: *Wahrheitsbeweis*, *Gewissheitsgrund des Christenthums* (т. е. основанія увѣренности въ истинѣ христіанства). Это важнѣйшій вопросъ въ гносеологии! Обнять ясно умомъ все многообразіе христіанскихъ истинъ какъ единую истину—законное стремленіе, но преждевременная роскошь, пока не удовлетворена будетъ главная потребность,—не указано будетъ, какъ удостовѣриться въ истинѣ христіанства? почему истина въ христіанствѣ? Ясность ученія еще не ручается за его истину, и часто бываетъ наоборотъ. Почему же я долженъ видѣть истину въ этомъ, ясно стоящемъ предъ моимъ умомъ, ученіи? Между тѣмъ у г. Виноградова вездѣ рѣчь идетъ только о способѣ лучшаго пониманія или познанія христіанской истины (христіанства), но нигдѣ ни слова нѣтъ (и не подозрѣвается даже существованіе самаго вопроса) объ основаніяхъ нашей христіанской увѣренности или вѣры въ истинность христіанства! Послѣдовательный спекулянтъ основаніе это указываетъ въ разумѣ, въ рамкахъ коего по его мнѣнію укладывается все содержаніе христіанской вѣры (требованія послѣдней суть требованія самого разума),—въ согласіи его съ тою или иною системою. Съ измѣной этому началу спекуляціи что въ качествѣ основы убѣжденій остается намъ въ теоріи г. Виноградова? Не упираемся-ли мы съ нею въ слѣпую вѣру, какъ основаніе всего?

Не слѣдовало-бы г. Виноградову, выдавать свою ветошь за самоновѣйшую науку!

Какъ мы уже видѣли, г. Виноградовъ въ статьѣ своей выдаетъ себя за эксперта по части научности богословія. Большую роль у него въ этой экспертизѣ играетъ маленькое дѣло, на которомъ поэтому и мы обязаны остановиться,—тѣмъ болѣе, что оно рисуется намъ въ истинномъ свѣтѣ самого автора нашего, какъ посредника между богословіемъ и наукою. Знаете-ли, что у г. Виноградова служить рѣшительнымъ признакомъ нашей научной отсталости? Подраздѣленія и дѣленія книги на рубрики и особенно §§! Онъ хочетъ, чтобы мы слѣдовали его примѣру, данному его

статьею: дѣйствительно, статья эта лишена всякихъ подраздѣленій, но за то и не убожатаема при всемъ своемъ маломъ объемѣ. Передъ параграфами нашъ авторъ испытываетъ какой-то суевѣрный страхъ, можетъ быть навѣянный какими-нибудь тяжелыми воспоминаніями о дѣтскихъ учебныхъ годахъ (см. апр. 456, 464, май 114). Но меня удивляетъ, особенно въ „образованномъ“ человѣкѣ, какъ этотъ страхъ не разсѣялся послѣ отъ соприкосновенія съ книжнымъ міромъ? Г. Виноградовъ возвѣщаетъ намъ: „Автору, какъ университетскому профессору, полезно знать, что совершенно исключительная страсть къ внѣшней систематизаціи... при современномъ состояніи научнаго метода совершенно исчезла“,—и далѣе сообщается, что и параграфы теперь отошли въ область преданія, какъ несомнѣнное достояніе одной лишь схоластики (!) (457 и д.). То, что здѣсь называется у меня „исключительною страстью“, т. е. употребленіе параграфовъ, есть однако обычное явленіе въ ученыхъ книгахъ, гдѣ и §§, и другіе знаки систематическаго дѣленія вызываются требованіемъ ясности, строгости, раздѣльности и стройности въ изложеніи сложнаго научнаго содержанія мысли. „Образцы классической схоластики съ ея страстью ко всевозможнымъ дистинкціямъ“ (456)—въ изобиліи даются самыми высокопробными учеными книгами, не требующими рекомендацій. Доказательство этого найдется для г. Виноградова на полкахъ даже моей маленькой бібліотеки. Передъ нами: Шлейермахеръ и Ричль, неустарѣвшіе и для современной науки (не правда-ли?). Гарнакъ, Шюреръ, Липсіей, Веберъ, Дорнеръ, Эбрардъ, Драйверъ, Дильманъ, Газе, Ганъ, Гассъ, Б. Вейссъ, Гагебахъ и др. ¹⁾—все имена, вѣско звучація для печуждыхъ наукъ

¹⁾ *Schleiermacher*. Der christliche Glaube; у *Ritschl* я Die Unterrichtung in der christlichen Religion; *Dorner*. System der christlichen Glaubenslehre. 2 Bde. Berlin 1886—1887²; *Ad. Harnack*. Lehrbuch der Dogmengeschichte. 3 Bde (1894, 1887, 1890); *Werner*. Geschichte der polemischen und apologetischen Literatur. 5 Bde; *K. R. Hagenbach*. Encyclopädie und Methodologie der theologischen Wissenschaften. Leipzig 1889¹²; *B. Weiss*. Lehrbuch der biblischen Theologie des Neuen Testaments. Berlin 1895⁶; *Ebrard*. Wissenschaftliche Kritik der evangelischen Geschichte 1868; *A. Dillmann*. Handbuch der alttestamentl. Theologie. Leipzig 1895; *I. R. Driver*. Einleitung in die Literatur des A. T. Berlin 1896; *D. K. Marti*. Geschichte der Israelitischen

ушей. И что же? Моя „исключительная страсть къ систематизаціи“ выражается употребленіемъ единицъ дѣленія —: часть, отдѣленіе, §, и въ нихъ 1, 2..., а однажды — А, В... и I, II... А у *Гарнака* —: §, Theil, Buch, Kapitel, А, В... а, б..., I, II... *Дорнеръ*: Theil, 1-te, 2-te Hälfte, 1-es, 2-es Hauptstück, А, В, С..., I, II..., §, 1-er, 2-er Abschnitt, 1-es, 2-es Lehrstück, 1-te, 2-te Abtheilung, § *Гагенбахъ*: Theil, 1, 2..., Аа..., §. *Дильманъ* — Theil, Abtheilung, Abschnitt, I, II..., 1, 2..., §. *Вейссъ*, *Эбрардъ*, *Веберъ*: Theil, Abtheilung, Kapitel, §. И т. д., и вездѣ все эти „неназидательные“ параграфы! Сообщу еще къ ужасу г. Виноградова, что какъ разъ именно въ настоящее время при совершенномъ послушаніи современному научному методу входитъ все въ большую силу хорошей обычай сплошного подраздѣленія всего содержанія сочиненія, безъ перерыва по томамъ на §§, такъ-что, напр., у *Werner'a* въ 5 томахъ 1—912 §§, *Ebrard* въ двухъ — 152 §§, *Шамтени-де-ля-Соссей* 140 §§, *Schürer* 34 §§, *Dorner* 155 §§. У *Marti* 73 §§ въ одномъ томѣ (на 330 стр.), *B. Weiss* 157 §§, *Weber* 90 §§ (на 410), *Hahn* 246 §§ (на 390), *Guthe* 94 §§ (на 317) и т. д. Спрашивается теперь, чѣмъ вызвано сообщеніе г. Виноградова о моей „исключительной страсти“ и о „современномъ состояніи научнаго метода“? Отвѣтъ излишенъ.

Очень можетъ статься, что г. Виноградовъ и красуется гдѣ-нибудь на своихъ „интеллектуальныхъ высотахъ“ и „на высотѣ научнаго уровня“, — не оспариваемъ: намъ совершенно ничего неизвѣстно о г. Виноградовѣ. Но дѣло идетъ здѣсь не объ авторѣ, а о статьѣ его; статья же, подписанная именемъ нѣкогого А. Т. Виноградова, такова, что она смѣло можетъ быть приписана автору, находящемуся болѣе

Geschichte (3-te Aufl. von *Ang. Kayser's* Theologie d. A. T.). Stassburg 1897; *Weber*. Judische Theologie auf Grund. d. Talmud etc. Lpz. 1897²; *W. Schmidt*. Chistische Dogmatik. 2 Bde 1895—1898; Dr. *A. Hahn*, mit einem Anhang von *Ad. Harnack*. Bibliothek der Symbole und Glaubensregeln der alten Kirche 1897; *Guthe*. Geschichte des Volkes Israel 1899; *Д. П. Шамтени-де-ля-Соссей*. Исторія религіи I—II. Москва 1899; *Schürer*. Geschichte des Judischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi 2 Bde, I² 1890 и II² 1896; *K. Hase*. Geschichte Jesu. Nach akademischen Vorlesungen. 1891²; Dr. *W. Gass*. Symbolik der Griechischen Kirche; *Lipsius*. Lehrbuch der evangelisch—protestantischen Dogmatik.

Пожалуй—и довольно?..

въ платонической, чѣмъ дѣйствительной близости къ наукѣ,—слишкомъ платонической для того, чтобы быть отъ нея ходатаемъ и брать на себя учительскую роль...

Г. Виноградовъ выступаетъ передъ русскимъ богословіемъ отъ имени современной науки и образованнаго общества, точнѣе—выступаетъ *противъ* русскаго богословія и со своихъ высотъ громить его... изъ пиццали! Съ этихъ, столь отдаленныхъ отъ дѣйствительной науки, высотъ уже не долетаетъ до насъ голосъ науки; не слышится и голоса образованнаго общества....

Таковъ выводъ изъ всего предшествующаго изложенія!

III.

По мнѣнію г. Виноградова, моя книга—зеркало, въ которомъ „полностью“ отражаются „всѣ недостатки“ или „родовые грѣхи“, „которые должны быть названы типичными для русскаго богословія. Всѣ они методологическаго характера, какъ-то: казуистическій способъ разсмотрѣнія истинъ, отсутствіе истинной научно-дисциплинованной мысли, несогласованность однихъ частей и положеній съ другими“ и т. п. (стр. 456, 458). Вотъ съ этой-то методологической стороны и мы разсмотримъ сначала статью г. Виноградова и посмотримъ, какъ рѣшаетъ онъ поставленную задачу.

Прежде всего нельзя одобрить общую постановку въ рѣшеніи вопроса, принятую г. Виноградовымъ. Г. Виноградовъ не располагалъ *достаточнымъ* матеріаломъ для правильнаго рѣшенія вопроса: такими достаточными данными представляется, конечно, русская богословская литература въ виднѣйшихъ ея проявленіяхъ, а г. Виноградовъ хочетъ показать недостатки русскаго богословія на одной моей книгѣ! Такое чрезвычайное облегченіе труда является въ методологическомъ отношеніи непозволительною небрежностью и грубымъ промахомъ: какую цѣнность могутъ представлять выводы и обобщенія, добытые изъ такого микроскопическаго матеріала, объ этомъ излишне говорить! На такое упрощеніе задачи г. Виноградовъ не имѣлъ-бы права даже въ томъ случаѣ, если бы книга моя обладала свойствомъ какой-то исключительной *типичности*; но дѣло обстоитъ гораздо хуже. Читатели въ нравѣ спросить г. Виноградова, дѣйствительно-ли моя книга

ужь такъ типична для русскаго богословія? Гдѣ у него доказательства этого? Они въ правѣ предъявить ему требованіе—привести основанія и мотивы для принятой имъ постановки статьи. Вѣдь этотъ вопросъ роковой для всей статьи г. Виноградова въ такой постановкѣ его: если книга моя нетипична, то всѣ обобщенія, основанныя на ней, сами собою падаютъ, а самая статья г. Виноградова превращается въ одно сплошное недоразумѣніе и ошибку, если отъ книги заключать ко всему современному богословію. Примѣръ такого заблужденія приведенъ уже былъ выше, когда, слѣдуя своему неудачному методу, мое неблагоприятное положеніе къ метафизической углубленности г. Виноградова обобщилъ въ общее явленіе въ современномъ богословіи. Онъ сдѣлался жертвою недостатка „научно-дисциплинованной мысли“, да и читателей ввелъ въ заблужденіе. И такъ, правильно-ли я возведенъ въ столь типическаго богослова г. Виноградовымъ, вотъ важный вопросъ, на который г. Виноградовъ не потрудился дать обязательнаго въ его положеніи отвѣта. Но въ статьѣ г. Виноградова, страдающей вообще „несогласованностью однихъ частей и положеній съ другими“, есть обмолвки, дающія право на отрицательный отвѣтъ. По временамъ г. Виноградовъ забываетъ выдуманную имъ постановку дѣла и даетъ понять читателямъ, что въ шаблонные или типическіе богословы я произведенъ напрасно. „Родовые грѣхи“ русскаго богословія г. Виноградовъ показываетъ разсмотрѣніемъ моей книги съ двухъ сторонъ: 1) со стороны гносеологическихъ воззрѣній и 2) изложенія догмата искупленія (458). Къ этому сводится собственно и вся статья его, и что же? Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ устами того же г. Виноградова я объявленъ нетипичнымъ! Я нетипиченъ въ своихъ гносеологическихъ воззрѣніяхъ, ибо г. Виноградовъ торжественно приглашаетъ меня „снова обратиться къ обычному взгляду на истины христіанства, какъ на сверхъопытныя, спекулятивныя идеи“ (464). Я не типиченъ въ изложеніи догмата искупленія, ибо здѣсь въ ученіи о способѣ искупленія г. Виноградовымъ констатирована даже въ гиперболической формѣ „специфическая оригинальность“ за мною, какъ богословомъ, и здѣсь онъ „рельефно видитъ исключительныя особенности богословскаго мышленія“ моего вообще отразившимися въ ученіи объ искупленіи (май 112 и 111).

Что же типическаго, спрашивается, остается отъ моей книги, если непослушнымъ языкомъ самого г. Виноградова она объявлена нетипическою по этимъ двумъ важнѣйшимъ пунктамъ, только и рассмотрѣннымъ статьею г. Виноградова, и „въ своей сложности захватывающимъ всю книгу въ ея главномъ содержаніи и существенныхъ особенностяхъ“?! (апр. 458). Здѣсь собственными устами г. Виноградовъ изрекъ приговоръ надъ своей статьею и показалъ, что значить своими руками подрубать сукъ, на которомъ сидишь. Это ясно. Но болѣе того, на протяженіи всей своей, такъ плохо сшитой, но задорной статьи, г. Виноградовъ надоѣдаетъ читателю къ дѣлу и не къ дѣлу упоминаніемъ о какой-то исключительности писательскихъ качествъ моихъ вообще,—тутъ пестрятъ въ глазахъ: „исключительныя особенности богословскаго мышленія“ (111), „исключительная склонность къ внѣшней систематизаціи“ (457), „исключительная темнота изложенія“ (108) и т. п. Однимъ словомъ, все у меня по увѣренію самого же г. Виноградова исключительно (по сравненію, конечно, съ другими богословами), и въ концѣ концовъ въ обрисовкѣ г. Виноградова самъ авторъ „Курса апологетическаго богословія“ невольно производитъ впечатлѣніе чутьли не исключенія! Въ такомъ олучаѣ, что же представляетъ теперь статья г. Виноградова въ данной ей постановкѣ? Она не есть рѣшеніе такъ широко поставленнаго въ заглавіи общинтереснаго вопроса—о недостаткахъ русскаго богословія: она сводится къ скромнымъ размѣрамъ маленькаго дѣла, являясь сообщеніемъ объ одной только моей книгѣ, и при томъ—*ложнымъ сообщеніемъ* объ этой книгѣ и ея авторѣ.

Общіе „методологическіе“ приемы и особенности мышленія г. Виноградова, образцы коихъ отчасти мы уже видѣли и которыя рассмотримъ сейчасъ, являются главнѣйшимъ препятствіемъ къ тому, чтобы статья г. Виноградова служила истинѣ и въ этихъ скромныхъ размѣрахъ, въ качествѣ библиографической только замѣтки. Что хорошаго можно ожидать отъ автора въ изложеніи чужихъ мыслей, когда онъ такъ путается въ изложеніи своихъ? Образцовъ такой путаницы у г. Виноградова въ изложеніи даже своего нами приведено уже не мало (достаточно припомнить хоть нескладное *pium desiderium* г. Виноградова въ качествѣ адепта спекулятивнаго богословія), а потому обращаемся къ раз-

смотрѣнію особенностей мышленія нашего автора и дадимъ патологическій діагнозъ его...

Въ одномъ мѣстѣ статьи г. Виноградова мы встрѣчаемъ такую фразу: „...фактъ настолько рельефный, что онъ избавляетъ отъ логическихъ разсужденій!“ (459) Въ этомъ восклицаніи—ключъ къ открытію корня всѣхъ разнообразныхъ дефектовъ по части логики въ статьѣ г. Виноградова, который свободно относится къ требованіямъ логики и слишкомъ часто освобождаетъ себя „отъ логическихъ разсужденій“. На почвѣ этой общей слабости логическаго мышленія развиваются разныя формы „несогласованности однихъ частей и положеній съ другими“.

Весьма рѣдко у г. Виноградова заключенія согласуются съ посылками. Блестящіе образцы такой „несогласованности“ читатели видѣли выше, и здѣсь мы только напомнимъ имъ, напр., что въ концѣ своей статьи авторъ нашъ ставитъ рядъ тезисовъ на положеніи выводовъ, хотя эти тезисы никакого отношенія къ предшествующему содержанію статьи не имѣютъ и напоминаютъ собою шишку подъ носомъ Алжирскаго Дея въ „Запискахъ сумасшедшаго“... Тотъ же ревнитель „научно-дисциплинированной мысли“ клеймитъ всѣхъ „терминомъ Платона“, кто отрицаетъ метафизическій методъ въ богословіи...

Согласно съ правильнымъ понятіемъ о познаніи и въ противоположность раціонализму мы и въ религіозномъ знаніи, какъ во всякомъ знаніи, не отводимъ разсудку первенствующаго и исключительнаго положенія и утверждаемъ, что правильное религіозное познаніе образуется взаимодействіемъ разсудка и чувственности (чувства и воли,—опыта). Значитъ проф. Свѣтловъ, объявляетъ г. Виноградовъ, „совершенно исключаетъ разсудочный элементъ изъ богословія, страдаетъ свѣтобоязнью“ и проч. Мы говоримъ: вода образуется соединеніемъ двухъ атомовъ водорода съ атомомъ кислорода и потому изъ одного водорода воды не получится, нуженъ еще кислородъ. А г. Виноградовъ кричитъ: „Свѣтловъ отрицаетъ необходимость водорода для воды!“

Или еще—вотъ обвиненіе г. Виноградова: въ книгѣ моеѣ всѣ догматы изложены плохо. Къ этому г. Виноградовъ приходитъ путемъ слѣдующаго разсужденія: „Теоретическая слабость основныхъ методологическихъ понятій наложила

грустный отпечатокъ на все изложеніе христіанскихъ догматовъ“. Въ доказательство этого „нѣтъ необходимости останавливаться на каждомъ изъ нихъ; для нашихъ цѣлей достаточно критически разсмотрѣть (одно) ученіе объ искупленіи“. (464). И выходитъ: *всѣ* догматы плохо изложены въ моей книгѣ, потому-что плохо изложенъ *одинъ*! Если-бы мой обвинитель не освободилъ себя здѣсь отъ „логическихъ разсужденій“, то и не было-бы никакого повода къ его грусти и меланхолическому сообщенію о „грустномъ отпечаткѣ“.

Приведу примѣры болѣе рѣзкой „несогласованности“, въ логикѣ называемой противорѣчіемъ,—сверхъ тѣхъ образцовъ, которыми достаточно снабжены наши предшествующія выдержки изъ произведенія г. Виноградова.

„Религіозное чувство, самое интенсивное, не можетъ ничего дать, кромѣ общаго *смутнаго* сознанія близости къ намъ Божества, а слѣдовательно Его реальности. Это прекрасно выражено въ словахъ прот. І. Кронштадтскаго: „душѣ благочестивой бытіе Божіе такъ же *очевидно*, какъ собственное бытіе“... (463).

Г. Виноградовъ объявляетъ мои воззрѣнія въ гносеологін *обычными*, когда пишетъ: „нашъ богословъ (это я — его богословъ...) сдѣлался жертвою узкости... *обычныхъ* воззрѣній на права разсудка въ области богословія“. (464). На той же страницѣ на разстояніи 14 строкъ отъ приведенной фразы я получаю отъ того же автора приглашеніе примкнуть „къ *обычному* взгляду“ въ гносеологін?!

Изложеніе въ моей книгѣ ученія объ искупленіи „особенно рельефно обнаруживаетъ *шаблонность* научныхъ пріемовъ“ моихъ и дурные ея результаты (458). А ниже читаемъ: „что бы рельефнѣе видѣть исключительныя особенности богословскаго мышленія нашего автора, я представляю *всѣ* его ученія объ искупленіи“... (111) и далѣе здѣсь констатируется у меня „специфическая *оригинальность*“ (112)?!

Но довольно! Примѣровъ подобной несогласованности предстоитъ не мало впереди.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло, можетъ быть, болѣе съ невольными грѣхами г. Виноградова, и потому не будемъ къ нему сверхъ должнаго строги. Но есть въ его статьѣ и вольные грѣхи, заслуживающіе безусловнаго порицанія. Оказывается, къ сожалѣнію, что г. Виноградовъ освобождаетъ

себя не только отъ логическихъ разсужденій, но и отъ правилъ литературной этики, позволяя себѣ въ своей критикѣ „методологическіе приемы“ крайне сомнительнаго достоинства.

Приведемъ примѣры „несогласованности“ статьи г. Виноградова съ требованіями литературныхъ приличій и морали или, можетъ быть, примѣры того, что у него носитъ загадочное названіе „казуистическаго способа изложенія“.

Спросимъ: дозволяется-ли литературными приличіями и моральнымъ чувствомъ уваженія къ истинѣ приписывать другому слова, особенно въ кавычкахъ, какихъ онъ не говорилъ? Конечно, нѣтъ. Дозволяется-ли отрицать, какъ несуществующее, то, что авторомъ явно говорится въ книгѣ и чего нельзя не замѣчать съ открытыми глазами? И это, конечно, нехорошо, какъ и первое. Между тѣмъ г. Виноградовъ часто прибѣгаетъ къ этому „методологическому приему“, что бы уличить меня въ чемъ-нибудь: онъ приписываетъ мнѣ то, чего въ книгѣ нѣтъ, особенно злоупотребленіемъ кавычекъ, и не хочетъ видѣть въ книгѣ того, чего нельзя не видѣть. Перехожу къ примѣрамъ.

Выходя изъ предѣловъ критики моей книги въ область, ей неподлежащую, г. Виноградовъ пишетъ: „нашъ авторъ на университетскую публику (?) смотритъ очень недовѣрчиво; онъ знаетъ случаи „полнаго отсутствія религіознаго познанія“ у своихъ слушателей“... (456). *Такихъ* случаевъ и при томъ у *своихъ* слушателей я не знаю, равно-какъ и приведенныхъ въ кавычкахъ словъ нигдѣ въ книгѣ нѣтъ. ибо тамъ говорится только объ обычномъ вездѣ явленіи, что „выходятъ изъ университетовъ, случается, безъ религіозныхъ *убѣжденій*, даже безъ всякихъ какихъ бы то ни было, напр., научно-философскихъ *убѣжденій*, довольствуясь специальными знаніями“ etc. (стр. 8). Неужели перо г. Виноградова неспособно точно, безъ искаженій, передать даже такихъ простыхъ фразъ?!

„Поэтому“, продолжаетъ г. Виноградовъ „нашъ авторъ естественно задается цѣлью „обстоятельно изучить“ со студентами богословіе, то-есть, изложить съ различными комментаріями отъ себя и отъ святыхъ отцевъ *весь догматическіе пункты* и стремится во всѣхъ подробностяхъ ввести въ изложеніе „*весь догматическій матеріаль*“ — „вмѣсто того, что бы создать единую религіозно-философскую систему христі-

анскаго знанія, выдвинуть во всемъ значеніи и широтѣ лишь *центральныя истины* религіи, оставивъ все второстепенное“... (456). Нельзя хуже извратить ясно сказанное мною о задачѣ университетскаго курса богословія, и всякое слово изъ этой тирады ложно, отъ перваго до послѣдняго. По сообщенію г. Виноградова я ставлю себѣ цѣлью пополненіе и разширеніе религіозныхъ знаній, забытыхъ моими слушателями. Но у меня какъ разъ отвергается именно такая постановка богословія въ университетѣ ясными словами: „однако надо пожалѣть, что при существующихъ условіяхъ цѣль богословія приходится формулировать нѣсколько иначе“... (8). Изложеніе-ли догматовъ во всѣхъ мелкихъ подробностяхъ и при томъ всѣхъ догматовъ съ различными комментаріями отъ себя и отъ преданія задача богословія? Нѣтъ, задача его представить сознанію слушателей христіанство, какъ цѣльное и „опредѣленное религіозное міросозерцаніе“ и тѣмъ „содѣйствовать достиженію послѣдней и высшей цѣли университетскаго образованія, т. е. познанію истины“, выработкѣ правильнаго міросозерцанія (стр. 10, 8—12 и 13). „Совершенно излишне“, написано у меня, „обоснованіе догматовъ ученіемъ Св. Писанія и Св. Преданія тамъ, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ пониманіе, выясненіе догматовъ или христіанскаго міросозерцанія въ цѣломъ“ (стр. 13). Поэтому-то часть вторая моей книги носить заглавіе, крупно напечатанное, что бы его не замѣтить: „Систематическое изложеніе христіанскаго вѣроученія въ *главнѣйшихъ его основаніяхъ*“ (стр. 101). Поставленной цѣли соотвѣтствуетъ и *апологетическій*, а не *катехизическій* методъ курса, какъ представлено дѣло г. Виноградовымъ: это—не догматика, а апологетика (стр. 13) (См. обложку, крупно напечатанную). Такимъ образомъ, г. Виноградовъ въ немногихъ строкахъ до неузнаваемости извратилъ дѣло, приписавъ, чего нѣтъ (подробное изученіе догматики), и отвергнувъ очевидное—изложеніе и выясненіе христіанства, какъ цѣльнаго міросозерцанія (каково же послѣ этого „вмѣсто того“ etc. г. Виноградова?!). Здѣсь уже ясно выступаетъ слѣдующій удивительный пріемъ г. Виноградова. Вычитавъ у меня въ книгѣ что-нибудь по тому или иному вопросу, г. Виноградовъ съ апломбомъ хозяина дѣла начинаетъ трактовать по этому вопросу (напр. о цѣли богословія) и мнѣ вмѣсто благодар-

ности читаетъ нотации за то самое, что узналъ отъ меня, дѣлая видъ, что у меня ничего не сказано или сказано невѣрно, тогда—какъ слѣдовало бы сказать такъ-то. (Тутъ, обычно, слѣдуетъ нескладный пересказъ вычитаннаго у меня). Примѣры: „Автору, какъ ученому богослову, должно быть небезызвѣстнымъ, что католическое богословіе тяготеетъ къ крайней объективации грѣха“; оно разсматриваетъ грѣхъ какъ только преступленіе etc. Далѣе идетъ изложеніе сказаннаго у меня на стр. 215—218!

Въ защиту будто-бы угнетаемаго (въ моей книгѣ) разума г. Виноградовъ пишетъ о пользѣ разсудка въ религіозномъ знаніи, которое и при чувствѣ лишь выиграло бы отъ разсудочнаго уясненія „въ сознательности, безъ которой одно религіозное чувство искажается и обезображивается (въ языческихъ, напр., религіяхъ)“ (стр. 464). Непонятно, зачѣмъ понадобилось г. Виноградову все это писать мнѣ въ поученіе, когда и самому ему хорошо извѣстно, что приведенными словами онъ пересказываетъ стр. 114—115 моей книги?!

„У автора нѣтъ спеціальнаго параграфа и особыхъ разсужденій, отвѣчающихъ на вопросъ о существѣ грѣха (зла)“, пишетъ г. Виноградовъ (465), въ слѣдъ за чѣмъ дѣлаетъ мнѣ назиданіе. Но у автора крупнымъ шрифтомъ напечатано: „Отдѣленіе III. Распаденіе Царства Божія въ человѣческомъ родѣ или ученіе о злѣ, его сущности, происхожденіи“, и „особыя разсужденія“ заключены въ § 23: „Краткій очеркъ теорій о происхожденіи и сущности зла“ (см. стр. 181, 186—187).

„Отвергая теорію прирожденности идеи Божества, почтенный богословъ глубоко уходитъ въ мистицизмъ, разсуждая: „какъ основаніемъ другихъ нашихъ знаній служатъ внѣшнія чувства, такъ основаніемъ познанія сверхъчувственныхъ истинъ вѣры служитъ внутреннее ощущеніе...“ (113) (См. у г. Виногр. 462). На стр. 113 и нигдѣ этихъ словъ, приведенныхъ въ кавычкахъ и подчеркнутыхъ мною, нѣтъ, да и быть не могло: уже на стр. 114—115 я не представляю сторонникомъ интуиціи и чистаго мистицизма; а между тѣмъ на кавычкахъ здѣсь, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, г. Виноградовъ строитъ новыя обвиненія, для чего онъ и понадобились ему:

Съ цѣлью создать для меня положеніе „безвыходнаго противорѣчія“, г. Виноградовъ навязываетъ мнѣ опять въ кавычкахъ мнѣніе, также прямо и ясно въ книгѣ отрицаемое мною: „но допуская дальше возможность „полнаго отсутствія религіознаго чувства въ человѣкѣ“, авторъ незамѣтно для самого себя попадаетъ“ etc. (463). Въ дѣйствительности—то авторъ пишетъ: „не безъ основаній подвергается сомнѣнію возможность полнаго безбожія, т. е. полнаго отсутствія религіознаго чувства въ человѣкѣ. Чувство высшаго міра или лучшей дѣйствительности, строго говоря, никогда не покидаетъ человѣка: безбожникъ мѣняетъ лишь названіе Бога на другія, и религіозныя стремленія въ немъ мѣняютъ только форму, а сущность остается неизмѣнной“ и т. д. (стр. 116).

При помощи указаннаго „методологическаго приема“, нашъ представитель „истинно-научно-дисциплинованной мысли“ успѣваетъ открывать у меня все, что ему вздумается,—какъ видѣли, даже тѣ мнѣнія, которыя ясно отрицаются мною! А вотъ какъ при помощи этого приема г. Виноградовъ открываетъ у меня противорѣчія (въ ученіи о спасеніи человѣка). „Говоря, что „все спасеніе отъ начала до конца дѣло Божіе“ (382), онъ вслѣдъ за тѣмъ ¹⁾ продолжаетъ: „несомнѣнно, многое приходится въ спасеніи и на долю человѣческой свободы“ (390, въ *Рус. В.* 114). Слова стр. 382-й читаются иначе въ подлинникѣ: „Хотя все спасеніе человѣка совершается благодатью“ (382), а за ними или „вслѣдъ затѣмъ“ читается совсѣмъ не то, что приведено (съ 390-й стр. у Виноградова), а:—„но этимъ не исключается, а напротивъ, при правильномъ пониманіи дѣла, предполагается свободное участіе человѣка въ спасеніи, его самодѣятельность“ и т. д. (382—384). А на 393-й у меня говорится, что спасеніе, обусловливаемое вѣрою, „есть всегда дѣло Бога и человѣка“.

Но довольно! Разсмотрѣнными примѣрами достаточно иллюстрируется излюбленный „методологическій приемъ“ г. Виноградова, простой секретъ котораго можно выразить въ двухъ словахъ: видя не видѣть. Искаженіе книги производится тутъ не вслѣдствіе какой-либо неясности изложенія

¹⁾ Т. е. на 390-й стр.,—и это „вслѣдъ затѣмъ“!

или трудности ея для пониманія, необходимости большой подготовки для ея чтенія, а отъ нежеланія понимать и видѣть открытыми глазами написанное. Это ясно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ. Что бы г. Виноградовъ не имѣлъ права оправдать чѣмъ-либо свое ложное сообщеніе о моей книгѣ, приведу еще въ доказательство одинъ примѣръ. „Всякое знаніе слагается изъ двухъ моментовъ: *матеріальнаго* и *формальнаго*. Въ первомъ моментѣ посредствомъ *чувственного воспріятія* получается содержаніе, матерія или предметъ знанія; во второмъ—этотъ матеріаль обрабатывается *разсудкомъ* по законамъ, ему свойственнымъ. Такимъ остается механизмъ познанія вездѣ, даже и въ религіи“... (15). А въ другомъ мѣстѣ: „конечно, разсудокъ не есть главное начало въ познаніи“ (дальше доказательство этого); „но заключать отсюда, что разсудокъ не важенъ въ религіи, нѣтъ еще никакого основанія. Напротивъ, наблюдение“ etc. (114—115). И что же? Г. Виноградовъ, читавшій эти строки, утверждаетъ, что моимъ гносеологическимъ взглядомъ „совершенно исключается разсудочный элементъ въ богословіи“ (460)! Г. Виноградовъ читалъ книгу съ закрытыми или засоренными чѣмъ-то глазами, и мы не имѣемъ основаній, въ виду вышесказаннаго, признать искреннимъ его заявленіе, что онъ „тщетно пытался постигнуть“ мою гносеологическую теорію (462): совсѣмъ и не требовалось такихъ усилій вслѣдствіе простоты и ясности моей рѣчи въ этомъ мѣстѣ, какъ и вообще во всей книгѣ, написанной общедоступнымъ языкомъ. Между тѣмъ г. Виноградовъ такъ настойчиво обвиняетъ мою книгу въ темнотѣ изложенія, что вынуждаетъ меня разсмотрѣть и это обвиненіе, — тѣмъ болѣе, что здѣсь идетъ дѣло даже не объ одной моей книгѣ, а обо всѣмъ русскомъ богословіи вообще. Въ числѣ *методологическихъ* недостатковъ русскаго богословія г. Виноградовъ отмѣчаетъ,—странно сказать, „темноту изложенія“! ¹⁾ Вѣроятно, г. Виноградовъ лишь выполняетъ свою программу, когда находитъ въ моей книгѣ то, что ему нужно,—съ тѣмъ однако отступленіемъ отъ программы, что темнотѣ въ моей книгѣ, столь типической для русскаго богословія, рѣшено быть „исключительною“! ²⁾ Особенно отдѣлъ объ искупле-

¹⁾ Стр. 458 (апр.).

²⁾ Стр. 108 (май).

ніи изложенъ мною темно и „изъ всѣхъ отдѣловъ книги (онъ) самый темный и неудобопонимаемый... Покровъ темноты ложится густымъ слоємъ на всю книгу; она поражаетъ какъ важнѣйшіе общегословскіе отдѣлы, такъ и отдѣльныя мнѣнія автора... Кажется, что неясность и неопредѣленность авторъ сдѣлалъ своею исключительною привилегією, о чемъ-бы онъ ни заговорилъ“ (114, ср. 113). Въ одномъ мѣстѣ мои разсужденія „настолько темны и неуловимы, что (г. Виноградовъ) лично рѣшительно отказывается отъ возможности составить какое-либо опредѣленное представленіе объ авторскихъ воззрѣніяхъ“ (113), а въ другомъ вопросъ „въ изложеніи богослова является затемненнымъ до полной темноты“. (114)! Вѣрно-ли однако это сообщеніе г. Виноградова о литературной сторонѣ моей книги, способное гиперболическою формою рѣчи навести страхъ на охотниковъ до чтенія? Мы уже настолько познакомились съ правдивостію нашего критика, что за истиною лучше пойдемъ къ другимъ, если для кого-либо въ этомъ есть надобность.

„Даже лицу освѣдомленному съ богословской наукой трудно понимать“ мою книгу, пишетъ г. Виноградовъ (456). Поэтому пусть и отвѣчаютъ ему такія лица. „Многіе изъ свѣтскихъ потому и не читаютъ богословскихъ сочиненій, что отъ нихъ вѣетъ духомъ мертвящей схоластики.., что даже и самое изложеніе подлежащихъ предметовъ носитъ печать безжизненности и сухого формализма. Тѣмъ съ большею радостію привѣтствуемъ появленіе на свѣтъ „Курса апологетическаго богословія“ etc. Авторъ мастерски излагаетъ какъ положительное содержаніе христіанскаго вѣроученія, такъ и поражаетъ противниковъ послѣдняго. *Курсъ апологетическаго богословія* написанъ языкомъ живымъ и увлекательнымъ, яснымъ и точнымъ, что значительно способствуетъ неослабному интересу, съ какимъ даже и взыскательный читатель отнесется къ нему, начиная съ первой и до послѣдней страницы“ (*Проф. Е. Аввилоновъ* въ „Церк. Вѣстн.“ 1900, № 25). Позволю себѣ еще выписку изъ статьи доктора медицины *Ник. Пяковского* „къ вопросу о борьбѣ съ религіознымъ индифферентизмомъ въ слояхъ русской интеллигенціи (Голосъ свѣтскаго человѣка)“ — въ *Церковн. Вѣстн.* 1900, № 12,—потому въ особенности, что она представляетъ собою „голосъ свѣтскаго читателя по спорному

вопросу, *напрасно* для чего-то поднятому г. Виноградовымъ. Поименовавъ нѣсколько моихъ сочиненій, авторъ пишетъ: „всѣ эти сочиненія написаны именно для интеллигенціи въ строго-научномъ, хотя популярномъ, изложеніи и при томъ *такимъ языкомъ, который вполне отвѣчаетъ современнымъ требованіямъ свѣтской литературы*. Всѣ эти сочиненія читаются легко“ и проч. ¹⁾. Относительно изложенія въ моихъ сочиненіяхъ ученія объ искупленіи, гдѣ по цвѣтистому выраженію г. Виноградова все покрыто густымъ слоємъ темноты и поражено темнотою, можно довольствоваться безпристрастнымъ свидѣтельствомъ Берлинскаго проф. *Lauchert'a* по поводу спеціальной моей монографіи объ искупленіи *Значеніе Креста въ дѣлѣ Христовомъ. Опытъ изъясненія догмата искупленія*: „систематическая часть сочиненія также отличается обстоятельнымъ и яснымъ изложеніемъ, и сочиненіе въ обоихъ отношеніяхъ достойно всякаго вниманія“ (*Révue Internationale de Théologie* avril-juin № 14, p. 380). Если моя рѣчь кажется ясною даже нѣмцу, несвободно владѣющему русскимъ языкомъ, то отчего же она „покрыта густымъ слоємъ темноты“ лишь для сотрудника *Русскаго Вѣстника*, вѣроятно коренного москвича — русака? Если-бы даже за меня на этотъ разъ не отвѣтили г. Виноградову другіе (что очень могло быть), то и тогда не мѣшало-бы г. Виноградову и ему подобнымъ критикамъ соблюдать въ обвиненіи этого рода осторожность и помнить, что это — обоюдоострое обвиненіе: кто не знаетъ, что и самыя ясныя и простыя книги бываютъ темны для тѣхъ, которые читаютъ ихъ съ „темнымъ окомъ“ и неясною головою?...

Я полагаю, какъ ни скуденъ запасъ богословскихъ знаній г. Виноградова, однако для пониманія моей книги въ качествѣ просто любознательнаго читателя я признаю г. Виноградова достаточно подготовленнымъ. Совсѣмъ иное дѣло, когда рѣчь идетъ о. Виноградовѣ, какъ критикѣ: для роли критика научно-богословскую подготовку г. Виноградова никакъ нельзя признать сколько-нибудь достаточною. Пред-

¹⁾ Въ этихъ двухъ выпискахъ также обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что авторы ихъ подчеркиваютъ особенно пригодность моей книги для „русскихъ образованныхъ людей“ именно.

ставлю нѣсколько образчиковъ незнакомства реформатора русскаго богословія съ элементарными положеніями богословской науки и даже съ вѣроученіемъ Православной Церкви.

Нашъ реформаторъ съ „большимъ недоумѣніемъ“ встрѣчаетъ изложеніе въ моей книгѣ христіанскаго ученія о *духовной смерти*, какъ умаленіи жизни вслѣдствіе разобщенія грѣшной души съ Богомъ, и поэтому случаю отважно громитъ библейское и православно-церковное ученіе о духовной смерти (См. ев. Іо. V, 24; Іак. V, 20; 1 Іо. III, 14; Апок. II, 11; XX, 4. 6 и др.), дѣлая открытіе въ богословской наукѣ, что ученіе о духовной смерти есть достояніе однихъ только западныхъ вѣроисповѣданій, но отнюдь не Православной церкви. Открытіе это сподвижникъ *Русск. Вѣстника* заключаетъ слѣдующимъ выводомъ: „Такимъ образомъ, научное богословіе нашего автора, несовершенное съ общей религіозно-философской стороны, не соотвѣтствуетъ даже религіознымъ понятіямъ нашей Церкви, болѣе широкимъ, къ счастью, чѣмъ возрѣніе богослова“ (107 — 108 май). Не знаю, къ какой Церкви принадлежитъ г. Виноградовъ, но та Церковь, къ которой я принадлежу, несомнѣнно учитъ иначе, чѣмъ это требуется московскимъ публицистомъ. Раскрываемъ катихизисъ и читаемъ: В. „Какая смерть произошла отъ грѣха Адама?“—О. „Двоякая: *тѣлесная*, когда тѣло лишается души, которая оживляла его, и *духовная*, когда душа лишается благодати Божіей, которая оживляла ее высшею духовною жизнью.“—В. „Неужели и душа можетъ умереть, какъ тѣло?“—О. „Можетъ умереть, но не такъ, какъ тѣло. Тѣло, когда умираетъ“ и проч., — что извѣстно всякому гимназисту изъ уроковъ по *Простр. Катихиз.* 1). Изъ этого примѣра совершенно очевидно читателямъ неудобство полемики съ г. Виноградовымъ, поневолѣ спускающейся съ нимъ до гимназическихъ уроковъ. Поэтому, безъ особыхъ напоминаній г. Виноградову о забытомъ имъ на урокахъ Закона Божія, только отмѣтимъ упорно повторяемую имъ

1) Среди слѣдствій грѣхопаденія прародителей и догматика отмѣчаетъ *смерть духовную*, „расторженіе союза съ Богомъ, потерю благодати“, ибо душа „не можетъ жить въ отчужденіи отъ „Бога“ и проч., — со ссылками на св. отцевъ (*митр. Макарія*. Православно-Догматическое Богословіе. СПб. 1895, т. I, 487).

ошибку,—будто католицизмъ *наравнѣ съ протестантствомъ* учить о всецѣломъ поврежденіи человѣческой природы ¹⁾!

Свое міропониманіе г. Виноградовъ называетъ „восточнымъ“ и не безъ основаній избѣгаетъ называть его христіанскимъ. Дѣйствительно, и Богъ *Русск. Вѣстн.* не нашъ Богъ. „Въ восточной богословской мысли Богъ есть больше любовь, чѣмъ карающее правосудіе“ (466)—вотъ какую важную поправку вносить въ евангельское ученіе о Богѣ (1 Ю. IV, 8) „восточная мысль“. *Русск. Вѣстника* при посредствѣ г. Виноградова! Нашъ христіанскій Богъ есть Любовь, и „восточное“ понятіе о Немъ есть абсурдъ, противный здравому смыслу, христіанскому чувству и понятію о безпредѣльности Божества, Которому всѣ свойства принадлежать въ одинаковой степени „или безъ всякой степени и мѣры“ ²⁾. Г. Виноградовъ жалуется на недостатокъ правосудія въ Богѣ сравнительно съ благостью и на неравномѣрность свойствъ въ Немъ! Неужели это и значить стоять „на высотѣ уровня“?

Несомнѣнно, г. Виноградовъ слабъ въ познаніяхъ изъ христіанскаго богословія даже въ предѣлахъ элементарныхъ; что же поэтому и ждать отъ него, когда въ своей статьѣ онъ касается вопросовъ богословской науки?! Онъ лишенъ правильныхъ свѣдѣній касательно даже общаго состоянія современнаго богословія, въ доказательство чего, опять-таки сверхъ данныхъ раньше примѣровъ, приведемъ одинъ-два

¹⁾ Стр. 107. Эта ошибка вмѣстѣ съ „православнымъ“ ученіемъ *Русскаго Вѣстника* о духовной смерти снова воспроизводится по другому случаю на страницахъ журнала въ стат. того же сотрудника: „Основа націонализма“ (іюнь 1901). (А прогос, основаніемъ „націонализма“, т. е. народнаго эгоизма, здѣсь называется... православіе!). Руководясь „нутромъ“ и воображеніемъ, а не знаніями, въ статьѣ этой г. Виноградовъ даетъ фантастическое построеніе православнаго міросозерцанія или, по его выраженію, „восточнаго міропониманія“. Тутъ тоже *Русск. Вѣстн.* преподноситъ намъ сюрпризъ и самый удивительный. Оказывается, что этимъ самымъ „восточнымъ міропониманіемъ“ *Русск. Вѣстн.* „воля и разумъ въ человѣкѣ“ и послѣ паденія признаются „неповрежденными“ (414)!!

²⁾ *Митр. Макарія* I, 104 (Op. cit). Ученіе о порядкѣ спасенія признаво въ *Русскомъ Вѣстникѣ* „второстепеннымъ въ богословіи“ (113). Satis sapienti!

примѣра незнакомства г. Виноградова именно съ русскимъ богословіемъ, которое онъ намѣренъ реформировать.

Г. Виноградовъ предается грустнымъ думамъ по поводу жалкаго состоянія современнаго богословія, для котораго совершенно „погибло“ возвышеннѣйшее ученіе отцевъ церкви о Логосѣ, столь плодотворное для богословской мысли (461). Но особенно странно предаваться подобнымъ сѣтованіямъ при чтеніи того богослова, сочиненія котораго даютъ доказательства противнаго! Болѣе точную и обстоятельную справку по предмету г. Виноградовъ могъ бы почерпнуть не въ одномъ изъ моихъ сочиненій ¹⁾.

„Въ успѣшной мобилизаціи охранительныхъ силъ противъ духовной опасности для русскаго общества (со стороны западнаго невѣрія) богословская наука почти отсутствовала, и всѣ трудности духовнаго подвига достались на долю свѣтски-образованныхъ людей“... Отъ разрушительнаго дѣйствія идей толстовщины и нищенства и теперь спасаютъ Россію почти только одни свѣтски-образованные люди (455). Эта историческая справка г. Виноградова способна повергнуть въ изумленіе самыхъ равнодушныхъ своею неожиданностью. До сихъ поръ никто не отрицалъ духовнаго подвига русской богословской науки въ борьбѣ съ невѣріемъ заграничнымъ и домашнимъ, и всѣмъ казалось, что до сихъ поръ свѣтская печать болѣе открывала свои страницы и нищенству, и толстовщинѣ, и прочимъ, предоставляя намъ одноко нести тяжелое бремя борьбы съ заблужденіями... Не доказываетъ-ли это и самъ *Русскій Вѣстникъ* въ настоящемъ случаѣ „успѣшною мобилизаціею своихъ охранительныхъ силъ“ противъ „современнаго богословія“? (Стр. 456). Мы горячо желаемъ встрѣтить содѣйствіе намъ со стороны „свѣтски образованныхъ людей“, и поддержку намъ въ нашемъ „духовномъ подвигѣ“, но, вѣроятно, не скоро дожи-

¹⁾ *Значеніе Креста въ дѣлѣ Христовомъ. Опытъ изясненія догмата искупленія.* Кіевъ 1893, стр. 110—111, 113—114.—*Источники ходячаго мнѣнія о вѣрѣ, какъ противоположности разума.* Спб. 1896, стр. 50—52.—*О темныхъ и свѣтлыхъ сторонахъ поэзіи Пушкина. (Опытъ оцѣнки пушкинской поэзіи съ точки зрѣнія христіанскаго идеала писателя).* Кіевъ 1900 (Первонач. въ *Университетскихъ Извѣстіяхъ* 1900, янв.). Стр. 18, 2, 3.—*Страникъ* 1900, № 2, стр. 237 (Ст. „Нѣсколько словъ о томъ, что иногда называется серьезною критикою“).

вемъ до этого благословеннаго времени дружной работы на общее благо, рука объ руку съ новыми Соловьевыми... Увы, такихъ былъ пока всего только одинъ,—этихъ достойныхъ нашей памяти союзниковъ нашихъ въ борьбѣ за христіанскую истину! Дай Богъ ихъ какъ можно больше! Это наше пожеланіе и русскому богословію..

Пожеланія г. Виноградова русскому богословію не могутъ имѣть цѣнности: они носятъ на себѣ „грустный отпечатокъ“ какой-то „восточной мысли“, которою проникнуто „восточное міропониманіе“ *Русскаго Вѣстника* и его сотрудниковъ; но эти пожеланія еще болѣе становятся для насъ неподходящими въ виду незнакомства нашихъ доброжелателей съ современнымъ состояніемъ богословія: не лучше-ли было-бы г. Виноградову сначала познакомиться съ „современнымъ богословіемъ“, а потомъ уже, если надо, приняться за реформу его?

Прот. П. Я. Святловъ.

Кіевъ
25 сентября 1901.
